

Юрий
МАЖАКОВ

ЦВЕТОК МОЙ ЛАЗОРЕВЫЙ

Повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чёрное бархатное небо с крупными вкраплениями алмазных, игольчатых от мороза созвездий было узорчато обрамлено заснеженными пологими крышами двухэтажных, взятых в просторный квадрат бревенчатых бараков, свет из окон которых раструбами ниспадал на расчищенную трактором и уже обледенелую дорогу. На ногах у Егорки поскрипывали подшитые дратвой, хоть и старенькие, но тёплые валенки. Подошвы к ним отец его, Алексей Петрович Лукиных, сработал, обрезав высокие голенища своих, толсто сваленных пимов. И теперь Егорка, едва поспевая за матерью, Галиной Георгиевной, одетой в стёганую фуфайку и нёсшей на коромысле по неполному ведру пойла для полуторагодовалой нетели и двух поросят, смело ступал на поблескивающий наст, не боясь поскользнуться и пролить дюралевый бидончик с похлёбкой, предназначенной лохматому, с разорванным надвое висячим ухом, Байкалу.

Пёс был помесь сибирской лайки с дворнягой. Егорка нашёл его ранней весной позапрошлого года щенком, жалобно скулящим в прорехе под завалинкой их барака. Кто ли его туда подбросил, или пёсик сам пролез в сухие опилки, но, приложив немалые усилия, Егорка вытащил из потёмок на свет упирающегося щенка, ухватив того выше задних худющих лап за мягкий, с выступающими хрящиками ребер, неопушённый тёплый живот. Принесенного в квартиру щенка отпоили молоком, и отец в тот же день с одобрения Егорки дал сосунку звучную кличку – Байкал и сколотил маленький, почти игрушечный, дощатый уютный домик с вырезанным круглым лазом, и установил его у калитки внутри пригона, рядом с большой пустующей собачьей будкой. На щенка сразу же надели кожаный лёгкий ошейник. Тяжёлую, кое-где проржавевшую цепь, оставшуюся от околевшего минувшей осенью от старости добрейшего Музгара, решили пока не трогать – дабы щенок, таская по пригону эти неподъёмные для него вериги, не надорвался, а привязали Байкала на прочную капроновую верёвку.

За лето Байкал вырос в некрупного, но мускулистого бесстрашного пса, с широким торсом. Хвост его, торчащий над спиной, напоминал вздёрнутую вверх растеребленную запяную, уши мохнатыми треугольниками возвышались над умными глазами и несколько удлинённой мордой с влажным носом.

Однажды, уже сидя на цепи, Байкал изловчился и лапами через голову стянул с себя ошейник. Три долгих дня он где-то пропадал. Егорка обегал все ближние и дальние улицы и поворотни, сорвал голос, призывая своего лохматого любимца. Отец и мать, как могли, успокаивали мальчугана: поноситя, дескать, порезвится, да голод не тётка, никуда не денется наш Байкал – вернётся домой. И точно, на четвёртые сутки, рано утром Алексей Петрович разбудил Егорку, радостно тронул его за голое, выпростанное из-под одеяла плечо: будет тебе дрыхнуть, сынок, идём скорей в сарай – Байкал нашёлся! Егорка спросонья аж подпрыгнул на постели и наверняка бы свалился на пол, не подхвати его вовремя отец на свои мощные, в красиво перекрученных узлах мышц руки.

Мальчишка быстро сунул ноги в штаны, набросил на плечи рубаху и, прежде чем последовать на улицу за отцом, возбуждённо пробежал через комнату к своему углу. Там, среди детских машинок, деревянного раскрашенного самолёта, с малиновыми звёздами на крыльях, пластмассовых солдатиков и пушек Егорка вот уже три дня скапливал для своего пса разные сладости: кусочки сахара-рафинада, ломтики халвы, леденцы. Все эти лакомства были аккуратно завёрнуты в ситцевый лоскуток. Спрятав его в карман штанов, Егорка вприпрыжку догнал широко шагающего Алексея Петровича.

Уже посаженный на цепь, Байкал лежал в пригоне прямо на дорожке, наотптанной в траве-мураве поперёк калитки. Вид собаки выражал полное безучастие к окружающему миру. Глаза были прикрыты, пёс, казалось, дремал. Но тут он услышал детский крик:

– Байкал, миленький, – живой, дружочек!

Пёс встрепенулся, вскочил на лапы и, не простояв секунды, снова рухнул в пыль.

– Что с тобой, Байкальчик? Кто тебя так?! – Егорка, глотая слёзы, уже ползал по траве вокруг любимого пса, порываясь и одновременно боясь притронуться к кровоточащему, располосованному едва ли не до шерсти на лбу левому уху. Остальных ран на теле собаки не было заметно, но то, что они не только существовали, но и были глубокими, – об этом свидетельствовала невольная влага в печальных и виноватых глазах Байкала.

– Полно нюнить. Слезами горю, сынок, не поможешь. – Отец присел рядом и, видя, как Егорка, утерев рукавом рубахи заплаканные глаза и щёки, но всё еще шмыгая носом, достал из кармана, развернул и бережно выложил перед мордой раненого пса ситцевую тряпочку со своими вкусными припасами, дружелюбно потрепал сына по вихрастой голове. – Вот это, Егор, правильно. Нашему драчуну для восстановления сил сладости в самую пору. А пока давай-ка я еще раз осмотрю Байкала – не повреждены ли у него кости, да и раны надо обработать мазью дёгтя со сметаной. Принеси-ка из стайки, – там, в ящичке на стене найдёшь, – пузырёк с этим снадобьём. Я его с вечера, как знал, приготовил.

Байкал оклемался тогда дней через пять, что примечательно, стал даже подвижнее; окрестных собак, коли выдавался случай, трепал так, что Алексею Петровичу, оказавшись он рядом, приходилось с усилием оттаскивать Байкала от обречённо хрипящих противников, вот только ухо, к великому сожалению Егорки, не удалось ни сростить, ни придать ему прежний вид. Так отныне и бегал Байкал: одно ухо торчком, а другое – раздвоенное, висело над зрачком.

Галина Георгиевна, не снимая с плеча коромысла, поджидала, пока сын нащупает и сдёрнет с калитки наброшенную алюминиевую петельку и распахнёт дверцу в пригон. Байкал радостно взлаивал из темноты, и Егорке угадывалось, как тот, забавно наклонив на бок свою удлинённую, с раскрытой пастью морду, скалитесь и сучит по морозному воздуху мохнатыми передними, стоя на натянутой цепи на задних лапах. Егорка на ощупь прошёл под навес и щелкнул выключателем. Вспыхнула лампочка под круглым жестяным абажуром на столбе и осветила тусклым светом не только их пригон, но и вырвала из мрака справа и слева два соседних, бросила неяркий свет на часть сплошной крыши общих сараев и заснеженную кровлю только что обойдённого ими барака. Воображение мальчишки на миг живо дорисовало уходящую дальше вдоль штакети́н расчищенную от снега дорожку, с просыпанной сенной трухой на обочинах, пологий спуск на прибрежную поляну, где до самого обрыва к реке громоздились смётанные с осени, похожие на припорошенные шлемы сказочных богатырей стога пахучего зелёного сена. К каждому из них тянулась протоптанная санная тропка.

Не далее как в обед Егорка пособлял отцу нагружать широкие, с витыми берёзовыми полозьями, рабочие салазки сенными пластами. Алексей Петрович еще в августе, отыскав в черемушнике за рекой подходящую рогатулину, смастерил подростшему сыну лёгонькие деревянные вильцы – тройчатки, и теперь Егорка, наравне с отцом, перетаскивал от початого стога к саням пласты сена с фиолетовыми кисточками клевера и жёлтыми кнопками собранной в плотные розетки пижмы. Нагрузив салазки с шапкой, отец, прежде чем взяться за лямки, уминал и стягивал вывозимую копну верёвкой крест-на-крест, а там уж впрягался, и, весело перебирая ногами в стареньких, с подвёрнутыми голенищами, серых бурках, выволакивал этот воз на дорожку, и тащил его, побряхтывая, вверх к сараям. Егорка, оперев вильцы сзади в копну и вкладывая в это все свои детские силы, помогал отцу вытаскивать воз с поляны. За три поездки к стогу наготовили отец с сыном сена рослой нетели на неделю. Вон оно, прикрытое брезентовой палаткой, поκειται теперь на дощатом настиле в углу пригона.

– Егорушка, сынок, на вот – держи верёвку, – мать протянула свитый в петлю конец пеньковой верви. – Прогуляй Милку по улице, пусть промнётся перед сном, а я пока сена ей, сиротиночке, в ясли натаскаю.

То, что смиренная, игренево́й масти, с белой звёздочкой во лбу, их нетель Милка – сирота, об этом Егорке было известно еще с того промозглого сентябрьского дня, когда отец с другими мужиками, хозяевами соседних сараев, выводили из загонов жалобно мычащих коров, тёлки и быков.

Мужики угрюмо поглядывали на окружающих исподлобья, кое-кто, матюгаясь, в сердцах подхлёстывал бичами и прутьями сопротивляющихся и упирающихся животных. Дорога обречённым предстояла недалняя: городской мясокомбинат располагался на яру, за речной поймой. Иногда, когда ветер был с той стороны, до их улицы долетал сладковато-приторный и удушливый запах жжёных костей, а то и палёной шерсти.

Накануне этого невесёлого события, вечером, Егорка почему-то долго ворочался в кровати, не мог уснуть и невольно стал свидетелем разговора между отцом и матерью, приглушённо доносящегося в спальню из-за кухонной перегородки. Егорка бы и не обратил никакого внимания на голоса из кухни, так как раньше,

наоборот, шелест вечерних родительских бесед всегда ласково убаюкивал парнишку, и потом Егорке всю ночь снились разноцветные фантастические сны. Но сейчас он уловил в голосе матери всхлипы, это насторожило мальчугана, и он переполз на тот край постели, что был ближе к прикрытому плотными шторами дверному проёму на кухню.

– Плетью, Галя, обуха не перешибёшь, – донёсся до Егорки глухой, будто надсаженный, голос отца. – Надоел давно уже всем хуже горькой редьки со своими выкрутасами этот Никитка-клоун. Какой поганой волной вынесло его на властные вершины! Как могли доверить этому плясуну и прощелыге такую серьезную державу, как наш Советский Союз! Я ведь, мать, знаком с Хрущёвым еще с фронта. Ну, не то чтобы лично встречался там с ним, а так, заочно – мы на передовой, а он в тылу, в штабах отирался. Никитка был членом военного совета нашего фронта. И молва о нём катилась по окопам, не хуже дыриватой побрякушки.

– Да неужели, Алёша? Ты мне никогда об этом не говорил...

– А теперь вот, видишь, представился случай. – На кухне помолчали. Егорка лежал на постели с открытыми глазами, и, хотя ему многое было непонятно, он с интересом ждал продолжения отцовского рассказа. Послышалось, как Алексей Петрович кашлянул в кулак и негромко начал.

– Ребята в окопах, посмеиваясь, пересказывали о том, как загремел Никитка из Кремля на фронт в члены совета. Он же долгое время был приближённым Сталина и чуть ли не впервые прославился на всю страну тем, что, когда хозяйничал на Украине, в коллективизацию устроил там жуткий голод. Это сейчас Никитка разоблачает культ личности, но всем известно, что у него самого руки по локоть в крови тридцать седьмого года, да и не только. Однако я отвлекся. А тогда, по словам однополчан, где-то году в 42-м, на одном из заседаний комитета обороны Хрущёв, когда к нему обратился по какому-то военному вопросу Сталин, в ответ такое сморозил, что генералы пришли в оторопь, а Иосиф Виссарионович помолчал, попыхтел своей знаменитой трубкой, да и выбил пепел из неё об лысую голову Никитки. Тогда-то Сталин якобы и изрёк: «Засиделся ты, дескать, Никитка в тылу. Давай-ка немедленно отправляйся на передовую, да там умаразума наберись». Так ли не так ли было всё на самом деле, не буду утверждать, но этот кукурузник прославился у нас в войсках тем, что устраивал по штабам с тыловыми генералами такие пьянки-гулянки с плясками, что недобрый слух о них далёко раскатывался. Видимо, дошло и до Верховного, тот опять вызвал Никитку, устроил ему очередной разнос и убрал от нас. Тогда и наши генералы вздохнули облегчённо, а то ведь грешным делом записной скоморох чуть не сплил многих из этих бедолаг. А как откажешься, коль у некоторых тыловых имелась такая слабость, да и начальство приказывает! В этой истории, по-моему, и Сталин оказался не шибко дальновидным. Нет бы – разом прибить, глядишь, и нам бы намного легче стало жить без хрущёвских вывертов, и не надо было бы сегодня голову ломать, куда девать лишнюю скотину. Ишь, удумал чего: кормилицы – и лишние!

Было слышно, как отец встал из-за стола, скрипнули, покрытые домоткаными половиками, крашенные доски пола, это означало, что он нервничает, а когда так бывает, то Егорка знал, что отец сейчас будет несколько минут прохаживаться по кухне от порога до окна, пока не успокоится. Но вот до чуткого детского уха

донеслось, как под весом усаживающегося заскрипел огранёнными ножками табурет, значит, всё, папка взял себя в руки и вернулся к застеленному цветастой клеёнкой столу.

– Это ж надо так распорядиться: оставить каждому, кто занимается домашним хозяйством, всего лишь по одной голове крупного рогатого скота, не больше двух поросят и пяти куриц! А всё поголовье лошадей, что имеется у колхозников и жителей городов, – вообще пустить под нож, на колбасу. Никак в толк не возьму чем уж эти-то трудяги не угодили Никитке? А в деревнях чего натворил! Помнишь, тётка Катерина весной гостила у Фёдора из пятой квартиры? Она, оказывается, из Гольцовки, что от вашей Черепановки в сорока верстах. Так вот, старуха жаловалась – нет, мол, житья в деревне никакого. Раньше-то они там жили больше не на трудодни, а каждый со своего огорода, всё-таки пятнадцать личных соток – хорошее подспорье в хозяйстве. Никитка, мало того, что колхозы превратил в совхозы, так он еще умудрился урезать эти сотки до двух на семью, зато обязал всех разбивать перед избами палисадники со скамейками. Для того якобы, чтобы у селян повышался культурный уровень. Теперь будем ждать, чего еще отчебучит этот плясун неугомонный!

Егорка скорее почувствовал, нежели расслышал, как отец горько усмехнулся, и после короткой паузы с нажимом добавил:

– Так что, мать, по всему выходит, что топать нам до обещанного партией скорого коммунизма с пустыми животами! Вот деятель так деятель – другой раз подумаешь: а не точно ли он, как говорят, – с луны свалился?

Отец еще раз глубоко вздохнул, и в кухне опять воцарилась тишина. Однако этот любопытный разговор пока что не прояснил для Егорки главного – из-за чего же всё-таки всхлипывала мать, но уж, наверное, точно не оттого, что, по словам папки, топать им до непонятого коммунизма непременно с пустыми животами. В то, что может такое случиться, Егорка не сильно-то и верил, потому что он, как никто другой, знал, что у них с младшей сестрёнкой Алёнкой, сладко посапывающей в своей кровати у противоположной стенки, папка и мамка самые трудолюбивые и заботливые из всех больших людей, известных им с сестрой. И поэтому мальчуган для себя твёрдо решил, что хоть и нехорошо подслушивать разговор взрослых, но он всё равно дослушает родителей до конца и обязательно узнает причину материного плача.

– А нам-то что делать, Алёша? – тихим голосом прервала затянувшееся молчание мать. – Кого из скотины оставим – Красулю или Милку? И куда девать Геройку? Его и колоть рано – неделю назад всего пять месяцев исполнилось. И оставить, скорее всего, не дадут. Вчера в магазине, в очереди за хлебом слышала, как бабы сказывали, дескать, кто не отбавит скотину по Указу, придут уполномоченные с милицией, отсчитают при хозяевах сколь положено оставить, а прочих всех постреляют прямо в ограде. И тогда уж, мол, думайте сами – куда убоину девать. Хоть бы дали сроку до холодов, пусть бы и до Октябрьских праздников, пока снег не упадёт и морозы не встанут. А то сейчас-то, по теплу, ума не приложу – куда девать мясо, у нас же нет ни холодильника, ни даже ледника в ямке.

– Оставлять надо Милку, она, по моим подсчётам, должна в начале марта отелиться. Как-нибудь перезимуем без молока. Красуля уже восьмым телком ходит, вроде и не старая еще, однако напор у неё слабеет, да и у нас особого вы-

бора нет. Геройку хочешь не хочешь, а тоже придётся свести на скотобойню. Сама же говоришь: иначе постреляют. Излишки сена продадим, но думаю, большого барыша с продажи иметь не будем – таких, как мы, сейчас пруд пруди.

Егорка, как услышал, что они останутся в зиму без молока, так ему сразу сделалось еще грустней, потому что он без молочка и за стол-то не садился. И даже если случалось, что ничего не было в доме поесть, кроме кринки молока и куска хлеба, то и тогда Егорка не горюнился. Он крошил в кружку хлебный мякиш и корочку и маленькой ложкой с несказанным аппетитом выхлебывал досуха эту сытную тюрю.

Отец и корову-то, по рассказам матери, купил едва ли не в тот же день, когда, придя в каменный трехэтажный роддом, прочитал в приёмном покое в списке, вложенном в рамку за стекло, что у роженицы Лукиных – сын. Вес – 3 килограмма 800 граммов, рост – 52 сантиметра. Ошарашенный Алексей Петрович минуты три перечитывал эту будто горящую, написанную торопливым, но вполне разборчивым почерком строчку в середине списка. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не замешкавшийся на крыльце и вошедший следом старший брат Филипп. Едва пробежав глазами по списку, он дружески сгрёб брата в охапку и закружил по кафелю приёмного покоя. Дежурившей за столиком у окошка медицинской сестре с трудом удалось остановить этот медвежий танец двух огромных, и, видимо, совсем потерявших рассудок от счастья мужиков. Из переданной тут же от жены записки молодой отец узнал, что сынишка здоров, аппетит у него отменный и что малыш, как две капли воды, похож на папку.

– Слушай, брат, я здесь вот о чём подумал, – обратился к Филиппу новоиспечённый отец, когда братья вышли на живописный, с фонтаном и скамейками между цветочных клумб, дворик при больнице. – Нет ли у тебя знакомых, кто бы продавал дойную корову?

– Почему нет. У нас в смене работает мастером Феклистов Александр Иванович. Да ты его должен знать. Он живёт на Гавани. У его тестя на Луговатке пасека и скотины полный хлев. Можно с ним поговорить.

Алексею, конечно же, был знаком названный братом Феклистов, да и Гавань от их улицы не так далеко, всего лишь миновать депо и, обогнув гору Каменушку, с километр пройти по тропинке на откосе, вдоль поблескивающих рельс и просмоленных шпал узкоколейной железной дороги.

Странное это, отдающее морским солёным прибоем название северо-восточной окраины их горно-таёжного городка Феденёво объяснялось довольно просто. Зимами в верховьях реки Журавлихи бригады лесорубов заготавливали древесину для нужд горно-обогачительного комбината, в том числе и на рудничную стойку. Весной, в паводок, лесорубы сталкивали брёвна в реку. Те молеми катились по бурным волнам вниз по ущелью. Верстах в семи Журавлиха выбивалась на равнину и сбавляла своё бешеное течение. Здесь-то на очередном изгибе своенравного, слегка успокоившегося потока были установлены бревенчатые, набитые валунами срубы ряжей, и наполовину перегораживала реку запань. По дощатым, на высоких сваях, мосткам, брошенным между берегом, ряжами и запанью, в весеннюю и летнюю страду весь световой день бегали крепкие мужики в резиновых болотниках, вылавливая баграми сплавленные брёвна и направляя их в вырытый рядом и заполненный стоячей водой спокойный затон, который

всем своим видом напоминал тихую гавань. На берегу оснащённый лебёдкой, конвейером с транспортёрной лентой, погрузочным краном и штабелями раскряжёванной древесины располагался нижний склад.

Со временем, сначала рядом со складским забором, а позже и заползая сараями и огородами в ближайшие черёмуховые лога, как грибы после дождя, стали вокруг склада и по направлению к городку вырастать добротные усадьбы работников леспромхоза.

Надобность в молевом сплаве отпала после того как пленными немцами и на-вербованными со всего Советского Союза добровольцами, из Фединёва, на сорок километров по ущельям и плато дальше в горы, была проложена узкоколейная железная дорога. С её постройкой появилась возможность брать лес из отдалённых и труднодоступных мест и доставлять его на платформах с высокими ригелями прямо на лесозавод, от которого до рудников рукой подать. Нижний склад и запань разобрали, однако люди, обжившие приречную долину, не снялись с места, а наоборот, с каждым годом окраина эта всё больше и краше разрасталась. Наиболее предприимчивые из жителей столбили себе в недалёкой тайге участки, где разводили пчёл, выпасали скотину.

Вот оттуда-то и привёл Алексей Петрович на выхлопотанное накануне у городского земельного начальства подворье их первую корову – Жданку. Осваивать ведение домашнего хозяйства чете Лукиных долго не пришлось. Галина Георгиевна знала подход к корове, ведь она родилась и до семнадцати годов прожила в деревне. Отец её, крепкий крестьянин предгорной алтайской равнины, как и многие его ровесники-земляки, погиб на фронте. В их небольшом колхозе, где председательствовал непутёвый младший брат гремевшего в годы войны на всю Сибирь руководителя огромного животноводческого хозяйства «Заветы Ильича» Шумакова, дела шли ни шатко ни валко. Тимошка, так за глаза называли разухабистого братца, больше занимался тем, что заигрывал и гулеванил с некоторыми податливыми и озорными вдовами и солдатками. Времени на то чтобы жилы рвать, поднимая урожайность зерновых и повышая привес и удои бурёнок, не оставалось. Колхоз хирел, люди всякими правдами и неправдами разбегались кто куда.

Старший брат мужик был нрава крутого, дважды принародно прямо в конторе Тимошке расквашивал нос, трижды выкидывал его вместе с полупьяными товарками из расписных дрожек в жирную грязь, да разбрасывал их настолько хлётко, что шараялся мерин в оглоблях, но всё это слабо помогало. Больно сладка была вольная жизнь на колхозные денежки.

Гулянки и развеселые похождения Тимофея закончились ранним мартовским утром, когда его чуть тёпленького, в одних кальсонах, из перин очередной пассии два молчаливых милиционера, хрустя и ломая коваными каблуками хромовых сапог настывшие за ночь корочки льда, проволокли от избы до прибывшего из района «воронка». Старший брат или не захотел, либо не смог, но не отвёл Тимошку от пяти лет лагерей. Где тот, впрочем, скоро и сгинул.

Однако к описываемым событиям Галины уже в деревне не было. Годом раньше девушка через двоюродную сестру, работавшую в сельсовете, тайно выправила себе паспорт и перебралась в горняцкий Фединёв, где к тому времени обитало немало сбежавших еще раньше из деревни односельчан. Они-то и поспособствовали устроиться Галине зарядчицей в ламповую на одну из шахт. Там, у копра она и познакомилась с улыбчивым проходчиком Алексеем Лукиных.

Долго еще в тот памятный сентябрьский вечер проговорили на кухне родители, но сон сморил-таки мальчика, и Егорка не заметил, как растворился, но не как обычно в разноцветных и фантастических видениях, а в чём-то ватном, бесцветном и вязком, похожем на огрузлый мартовский сугроб в подворотне, из которого так трудно выпрастывать свои, забитые мокрым снегом валенки. И на следующее утро отец еле добудился Егорки. Начавшийся пасмурный день, когда над их рабочим околотком стоял трубный рёв и из соседских сараев сводили из всех сил упирающихся коров и быков, мальчик шатался по пригону вялый, будто сам не свой. В другой раз мать бы непременно всплеснула руками: уж не захворал ли наш сыночек? Но сегодня, как заметил Егорка, родителям было не до него. И поэтому он походил, побродил по подворью, да и пристроился на брёвнышке рядом с Байкалом.

Пёс лежал, положив морду на передние лапы, и посматривал умными и печальными глазами на происходящее вокруг. За те дневные часы, в которые случился исход изрядной половины бессловесных соседей по подворьям, Байкал, словно придавленный непостижимым для человека пониманием и предвосхищением развернувшихся событий и перемен, ни разу не вскинулся на цепи, ни на кого не залаял, ни на людей, ни на обречённых животных. Единственный раз у собаки вздыбилась шерсть на загривке, и Байкал пружинисто подскочил со своего места – это когда отец с матерью вывели из сарая Красулю и Геройку и, подстёгивая прутом, погнали их мимо пса к открытой калитке. Егорка испуганно встрепенулся, ему вдруг показалось, что Байкал сейчас ухватит корову или телка за ногу и прокусит им сухожилия.

Однако произошло нечто удивительное: Байкал дотянулся до правой передней ноги коровы и лизнул той мохнатые бабки чуть выше матового, в чёрных разводьях копыта. Несмотря на то что Алексей Петрович держал верёвку в натяг, Красуля сумела наклонить голову и успела в ответ провести своим шершавым языком по шерсти на собачьей спине. Животные словно прощались. Видевший всё это отец еще крепче стиснул зубы, и на широких скулах его заходили желваки.

Этим же вечером, но еще засветло, помогая Галине Георгиевне управляться в хлеву, Егорка впервые и услышал, как мать, подставив ведёрко с пойлом привязанной за рога к яслям на пеньковую верёвку Милке, обмакнула кончиком ситцевого платка влажные глаза и тихо обронила:

– Сиротиночка ты наша...

После этого, подавив тяжёлый вздох, мать погладила уткнувшуюся в ведро нетель по завитку шерстистого льна возле рожек. словно почуввав состояние хозяйки, Милка оторвалась от пойла, подняла голову, взглянула на неё сбоку и неожиданно доверчиво ткнулась горячим своим носом Галине Георгиевне в подол. Мать присела, обхватила нетель руками за шею и прижала голову Милки к груди. По материнским щекам ручьём катились слёзы. Увидев это, Егорка в первый миг так и замер, но уже через несколько секунд он был рядом с матерью и, одной рукой обнимая её, другой оглаживая бок нетели, звонким срывающимся детским тенорком приговаривал:

– Мамочка, миленькая, не плачь! Всё будет хорошо. Зимой наша Милка принесёт нам маленького телёночка, и мы с Алёнкой будем любить его больше всех на свете! Мамочка, родненькая, не надо так сильно плакать.

И вот сейчас, под игольчатой роскошной люстрой январского куполообразного неба, которая особенно хорошо смотрелась со спуска к стогам, Егорка, вспоминая и заново переживая те осенние события, бережно водил по дорожке заметно отяжелевшую за последние дни Милку – от сараев до обрывистого берега скованной льдом Хайриузовки. Мальчик решительно уминал ногами упавшие с бордюров на прохожую часть спрессованные снежные комки, а в голове у него, подобно раскатам колокола, с каким-то обвальным и восторженным вызовом звучали пронзительные слова одной из самых любимых и часто исполняемых в их семье песен отца:

Врагу не сдаётся наш гордый Варяг,
Пощады никто не желает!..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Заканчивались зимние школьные каникулы. Через два дня за парты, снова дисциплина, уроки, словом, жизнь по расписанию. А пока что можно целый день носиться с клюшкой, гоняя с соседскими ребятами на коньках-снегурках по накатанной до блеска дороге вместо шайбы отполированные куски льда и забрасывать их друг другу в ворота, обозначенные комками стылого снега.

Вот и сегодня всего только раз за день забежал Егорка домой, выпил из охлаждаемой на окне литровой банки всё молоко, приносимое по утрам соседкой, выловил кусок мяса из кастрюли с борщом, прихватил корочку хлеба, и опять на улицу, где он ну никак не мог пропустить очередную хоккейную баталию. Едва Егорка торопливо дожевал хлеб с мясом, и только они разбились на две команды, чтобы сразиться на клюшках, как из-за барака вышла ватага ребят постарше. Малышня насторожилась, потому как все знали, что от этих больших пацанов всегда можно ждать какого-нибудь очередного неприятного подвоха.

– Ну что, шпана, играть-то бросили? Небось нас испугались? – отшвырнув в сугроб шелчком окурков, громко обратился к сбившимся в кучу хоккеистам долговязый, с прыщами по скулам, ватажный верховода Васька Богомол. Прозвище это он получил за свой рост, худобу и нескладность. А еще за то, что всех, кто слабее его, Васька постоянно старался поддеть и обсмеять, а то и одарить обжигающим подзатыльником. – Не бойтесь, мы сегодня хорошие. Верно, братва?

Ватажники в ответ дружно, как по команде, хохотнули и придвинулись ближе к игрокам.

– По закону военного времени мы конфискуем всё ваше оружие! – продолжал витийствовать Васька словами одного из героев недавно показанной в местном клубе кинокартины про революцию, в то время как дружки его, обступив юных хоккеистов, пробовали вырвать у тех клюшки. – За сопротивление – расстрел на месте! Отдавайте по-хорошему, поиграем – вернём. Не хотите по-хорошему, пожалеете – переломаем эти палки об ваши же сутулые хребты!

В Егоркину клюшку, которую он сам выстругал из берёзовой гнутой ветки и обмотал на изгибе черной липкой изолентой, вцепился Сашка Сундук. Паренёк этот учился на класс старше, и до недавних пор они даже, бывало, вместе ходили по обсаженной по обочинам яблонями-дичками бетонке в школу. Тогда если выпадало перед уроками свободных несколько минут, то один из них обезьянкой

выскарабкивался по стволу вверх за ранетками, другой сторожил внизу портфели и стаскивал сбрасываемые из ветвей кисло-сладкие яблочки в одно место. Потом ребята делили всё поровну, рассовывали добычу по карманам и вприпрыжку бежали в школу.

Но после первой четверти Сундук перестал утрами дожидаться Егорку на скамейке у сворота с их улицы на бетонку, у Сашки теперь появились другие друзья – ребята постарше. И хотя он был там пока что всего лишь на побегушках но разве кто нормальный вернётся из школы назад в детский садик? Вот и Сундук стал поглядывать на своих прежних товарищей свысока, а сейчас так даже и принял участие в отъёме у бывшего друга клюшки. Набывчившись, они стояли друг против друга и некоторое время тяжело сопели, перетягивая клюшку каждый к себе. Первым не выдержал Сашка Сундук.

– Не жмись ты, Егорка, дай поиграть! – Видно было, что с новой своей ролью – одного из полновластных хозяев их улицы – Сундук пока не вполне освоился, что-то в нём еще оставалось от того лопухого крепыша, который бесстрашно лазал по тонким и хрупким веткам кривых яблонь. – Не трухай – не сломаю!

– Что, Сундук, кишка тонка! – Васька Богомол цвикнул сквозь зубы на дорогу длинной слюной. – А ты, мелюзга сопливая, чего ардыбачишься? Ну-кошь, давай свою палку сюда!

Васька ловко ухватился за черенок и резко рванул его на себя. Сундук успел вовремя разжать пальцы и отскочить в сторону, а Егорка, всё так же намертво вцепившись в клюшку, полетел прямо на Богомола, с ходу больно ткнулся лбом тому в подбородок, и они вдвоём растянулись на снегу. Васька прикусил язык, выпустил из рук черенок клюшки, нервно столкнул с себя пыхтящего Егорку и, взбешённый, вскочил на свои ноги-ходули.

– Ах ты, червяк навозный! Счас ты у меня схлопочешь!

Богомол, у которого с губы на подбородок струйкой сочилась сукровица, приготовился точным ударом в лицо сшибить с ног поднимающегося Егорку, однако тот разгадал намерения противника, быстро отпрыгнул в сторону и, защищаясь, отчаянно выставил перед собой так и не отданную никому клюшку.

– Только попробуй сунься, всю морду клюшкой расквашу!

Васька невольно попятился, сглотнул смешанную с сукровицей слюну, посмотрел на стоящих сбоку ватажников, и неожиданно его угрюмая физиономия расплылась в широкой улыбке.

– Еще бы я руки свои не марал об мелюзгу. Мы сделаем по-другому.

Богомол поискал взглядом в толпе Сундука и, найдя, выбросил в его сторону правую, облачённую в потёртую кожаную перчатку худую руку.

– Сундук, а не слабо тебе потренироваться на этом духарном психе? Заодно и ребятам покажешь, как ты умеешь махаться. Да и весовые категории, я вижу, у вас одинаковые? Верно ведь, пацаны?

Братва одобрительно загудела и захмыкала.

– Да уж точно, Васёк, один к одному.

– Покажи, Сундук, духарному кузькину мать!

Егорка всё так же стоял, выставив клюшку, но сейчас он был один против всей ватаги. Соседские ребята, боясь, что и их начнут стравливать между собой большие пацаны, незаметно, один за другим разъехались на своих снегурках по домам. Еще раньше привлечённая ссорой братва оставила на время в покое и их самих, и

их клюшки. Однако, по неписаным законам улицы, бить гурьбой одного было категорически запрещено. Это среди детей фронтовиков считалось самым несмысленным позором и, приравнявась по дворовому кодексу к предательству, клеймилось обидным словом – «фашист». Точно так же улица не одобряла, когда били лежачего.

Братва в предвкушении зрелища всё больше задирала стоявшего с клюшкой на изготовку Егорку.

– Слабак ты, малый! Брось клюшку и выходи на честный бой с Сундуком!

– Да он тебя в два счёта размажет по дороге!

– Не-е, пацаны, Егорка парень крепкий. Спорим, он Саньку накостыляет!

Это изворотливый Богомол, чтобы раззадорить противников, сделал вид, что будто бы принял сторону Егорки:

– Надо помочь пацану снять с валенок снегурки. Не должен же он пинаться коньками. Эй, кто-нибудь расшнуруйте!

– Вот так-то лучше. Сундук, ты готов?

– А то как же! Счас намылю шею этому духарному!

Чувствовалось, что Сашка слегка неуверен в себе перед боем, но не драться уже нельзя: мало того, что откажись он сейчас – после изведут насмешками, запросто могут еще и отлупить, перед тем как вышвырнут навсегда из своей команды. Поэтому Сундук, сделав стойку, на ватных ногах стал приближаться к исподлобья глядящему на него Егорке, коньки и клюшка которого беспринютно лежали с краю дороги на снежном бруствере. Ожидалась драка, и никому до них теперь не было дела.

Не доходя метра до противника, Сундук неожиданно ударил правой ногой Егорку в бок. Егорка пошатнулся, но устоял. А вот второй пинок он ловко перехватил снизу рукой и, задрав ногу Сундука вверх, опрокинул того на снег. Здесь нет бы навалиться на лежащего Саньку всем телом, придавить к насту и удержать, но Егорка ничего этого не сделал – ведь лежачего не бьют! – а остался стоять и ждать, пока тот не поднимется на ноги.

Ватажники, взяв драчунов в широкий круг, весело улюлюкали, подначивая Сундука показать всю свою силушку и отомстить духарному за унижение. Мальчишки ходили по кругу и молотили друг друга кулаками куда попало. У Егорки уже горела щека и набухла разбитая губа. У Саньки текла кровь из разбитого конопатого носа и саднила скула. Силы были примерно равными, и поэтому конца драки пришлось бы дожидаться не скоро, если бы Богомол вдруг не выставил свою ходулю позади Егорки и тот, пятясь, не запнулся за неё и не опрокинулся навзничь. Сундук великодушия проявлять не стал, прыгнул на лежачего противника и давай валтузить Егорку почём зря. Ватажники аж заплясали от удовольствия, бурно одобряя явную победу своего товарища. А Егорка только и успевал уворачивать разбитое лицо от безжалостных кулаков Сундука, пока нахлынувшие от обиды и несправедливости слезы не застили ему весь белый свет.

– Всё, Сундук, слазь с духарного! – из какого-то туманного далёка донёсся до Егорки покровительственный голос Богомола, удары прекратились, и он почувствовал, как Саньку оттаскивают в сторону и ему становится легче дышать. – А то еще ненароком убьёшь сопляка, а нам потом отвечать! Пошли, пацаны, здесь ловить больше нечего.

Напоследок, когда остальные уже сворачивали с улицы на дорожку к баракам, Васька Богомол, словно вспомнив что-то, вернулся к отползшему к бордюру

Егорке и, нагнувшись, приблизил своё угрюмое лицо к его голове так близко, что мальчугану ударил в нос запах табака, смешанный с вонью гнилых зубов.

– Что, гадёныш, получил?! Ишь, как зырит! Так бы и сожрал всех! Ты zenки-то притуши, не то так врежу по лбу, что в воздухе переобуешься!

Однако Егорка, не обращая никакого внимания на угрозы, продолжал смотреть Богомолу прямо в глаза не моргая, и, наверное, во взгляде его было столько ненависти, что Васька смешался, отвёл свой взгляд и, сплунув себе под ноги, побежал догонять ватажников.

Егорка поднялся, набрал в пригоршню снега и приложил к горящим щёкам. Через минуту, когда немного полегчало, он подхватил коньки и клюшку и шаркающей походкой направился домой. На лестничной площадке между этажами Егорка разбитыми пальцами снял щеколду с дощатых крашенных дверок их кладовки и бросил коньки и клюшку. Прикрыв дверки, мальчуган подошёл к высокому окну, из-за частых горизонтальных перегородок похожему на развёрнутую и поставленную стоймя гармошку, и уткнулся лбом в холодное стекло. Успокоившись, Егорка поднялся по лестнице на второй этаж и взялся за фигурную ручку утеплённой ватой и обитой чёрным блестящим дерматином двери своей квартиры.

Отец сидел за столом спиной к окну и ужинал, мать хлопотала у печи. Она обернулась на шум открываемой входной двери.

– Вот и Егор поспел как раз к столу. Сынок, борща налить?

– Не, мама, не хочу.

Между тем Егорка разулся и шагнул из тени штор на свет кухни.

– Ой, да что это у тебя с лицом? Кто тебя так? Отец, посмотри-ка сюда!

Галина Георгиевна осторожно взяла Егорку за плечи и подвела к Алексею Петровичу. Отец внимательно оглядел побитого сына, отложил в сторону расписную деревянную ложку, отодвинул порожнюю тарелку на середину стола и грузно поднялся.

– Ну, рассказывай, воин, кто тебя и за что так разукрасил?

– Никто, папка. Мы с ребятами с горки катались, я на ногах хотел проехать, да поскользнулся и лицом ударился об лёд.

Эту маленькую ложь он произнёс, с трудом шевеля распухшими губами. О том, что его избили, пускай и в нечестном бою, – сказать об этом, значит, пожаловаться, наябедничать. А к этому Егорка не приучен. Сам виноват – не сумел постоять за себя. В смятённой голове всплыла любимая шутка дяди Филиппа: сам кашу заварил – сам и расхлёбывай. Мальчуган вдруг всхлипнул и горько вздохнул. Мать обняла его и запричитала.

– Ничего, Егорушка, сейчас я йодом все ссадины тебе помажу. До свадьбы заживёт!

Отец еще раз пристально посмотрел на понуро стоящего сына, на его разбитые в драке казанки на пальцах и, как показалось Егорке, даже с некоторым одобрением промолвил:

– Не горюй, Егор. Заживёт как на собаке. Только уж в другой раз, сынок, смотри, куда падаешь.

И в интонации произнесённого, а больше в тёплом, отечески сочувственном взгляде Егорка уловил оттенки какой-то, пока не очень понятной ему гордости отца за своего, пусть и побитого, сына.

В первое воскресенье новой четверти погода выдалась хоть и морозная, но день был искристый и солнечный. На ледяной горке-катушке, что взрослые с началом зимы возвели на детской площадке между бараков, яблоку негде упасть. Малышня, радостно визжа, слетала вниз по накатанному лотку на фанерных листах. Скорость была такая, что многих ребятишек выбрасывало на покатый снежный бруствер, предусмотрительно насыпанный метрах в десяти перед горкой. Мальчишки и девчонки постарше, показывая свою удаль и ловкость, неслись по скользкому льду, балансируя, на ногах. Самые отчаянные, крепко ухватив стоящего впереди товарища за плечи, составляли целые поезда. Но здесь уж стоило хоть одному поскользнуться, как все летели кубарем к изножью горки, и там в миг образовывалась весёлая куча-мала из полушубков, пальтишек, лохматых шапок и разноцветных шерстяных платков.

Егорка, как самый старший среди катающихся ребят, коноводил: возглавлял поезд, не давал в обиду малышей, следил за тем, чтобы никто не пытался проскокить на катушку без очереди. Вот Стёпка Фёдоров, скуластый и быстроглазый сосед Егорки по подъезду в бараке, как бы невзначай оттолкнул локтём какого-то, перевязанного крест-на-крест ворсистым шарфом карапуза и полез по снежным ступеням вверх. Егорка в два прыжка настиг соседа и, резко дёрнув того за рукав стёганой фуфайки, сверзил Стёпку со ступенек.

– Стёпка, не балуй! Давай-ка лучше помоги подняться малышу, а то, видишь, он вот-вот разревётся от обиды. Мы же все с одного двора!

Стёпка хотел было огрызнуться, но Егорка и старше на два года, да и он, Степан, как ни крути, а не прав, поэтому, шмыгнув носом, мальчишка живо присел и, подхватив растерявшегося карапуза одной рукой под мышки, другой за воротник, поставил того на ноги:

– Шагай вперёд, а я уж за тобой, – при этом на румяных от мороза щёках у Стёпки проступили две характерные миловидные ямочки, так происходило всегда, когда он улыбался. И уже поставив валенок на ступень, он неожиданно обернулся к стоящему в сторонке Егорке. – Ты не обижайся на меня, я просто заигрался, да и страсть как захотелось быть первым наверху.

– Да ничего, Стёпа, всё нормалёк. Я сейчас тоже поднимусь, и мы поездом скатимся. Вон и Катька с Олей тоже будут с нами. Верно, девчонки?

Однако осуществить намеченное не удалось: неизвестно откуда появившийся, Сашка Сундук победителем прошествовал мимо, слегка растерявшегося от неожиданной встречи, Егорки и, окатив его презрительным взглядом, начал взбираться на катушку к замершему наверху, у лотка, Стёпки. Хоть и не рассказывал Егорка никому о случившейся драке и никто из младших мальчишек не видел, как его лежачего бил Сундук, но ничего из того, что происходило на их улице, долго не могло быть тайной. Ребята, каждый по-своему, сочувствовал Егорке, но как известно со слов взрослых: плетью обуха не перешибёшь. Да и Богомол, даже если они сейчас навалятся всей гурьбой и побьют Сундука, переловит их после по одному и таких щелбанов надаёт, что ни одна примочка не поможет! И как-то сразу вдруг и солнце померкло, и снежные искорки потускнели. Многие ребятишки, не сговариваясь, засобирались домой.

А между тем Сундук взошёл наверх и со словами: «Ты что тут растопырился!» столкнул с горки Стёпку, больно торкнув того в бок. После этого, лихо заломив шапку-ушанку на затылок, с ветерком скатился вниз. Рубаха-парень, да и только!

– Ты, Сундук, чего здесь руки распускаешь? – Сундук еще и дух не успел перевести, а Егорка уже стоял рядом и сверлил Сашку тяжёлым взглядом исподлобья. – Ты попробуй меня толкни!

– Духарной, тебе, что, мало я ввалил?! Счас повторю! – И Сашка демонстративно сбросил с правой ладони мохнатую шубинку, собрал пальцы в кулак и согнул руку в локте, готовясь нанести противнику сокрушительный удар по челюсти, чтобы этим окончательно закрепить свое превосходство над Егоркой да и в назидание всей этой мелюзге, робко жмущейся в сторонке от них. Однако Егорка успел сбросить с рук варежки, ловко уклонился от удара и не мешкая так врезал кулаком левой Сундуку в нос, что у того слетела в снег заломленная на затылок шапка, а из носа ручьём потекла алая кровь. Выбитый из равновесия, Сашка принялся вслепую махать руками, Егорка же напротив бил хладнокровно и расчётливо, мстя обидчику за то вечернее своё унижение. Больших пацанов рядом не было, поддержки ждать не от кого, и Сундук, закрывая рукавом разбитое лицо, лихорадочно соображал, как ему с наименьшим позором поскорее ретироваться с поля боя. Ребятишки, из тех, что вначале заварухи оробели, но так и не успели добраться до своих подъездов, быстро сбежалась назад и теперь, воодушевлённые победой своего коновода, восторженно улюлюкали, правда, с почтительного от дерущихся расстояния. Сашка уже дважды падал на снег, то ли поскользываясь, то ли от очередного хорошего тумака противника. Егорка каждый раз ждал, пока тот поднимется, и снова начинал дубасить Сашку. Скажи Сундук три слова: «Сдаюсь! Ты победил!», и Егорка бы сразу оставил его в покое. Но Сашка тоже рос на улице, и произнести такое его распухший в разбитом рту язык никогда бы не повернулся. Пусть уж будет что будет!

– Егорка, сынок, ты что же это делаешь? – неизвестно откуда возникшая мать в пимах с подрезанными голяшками и лёгкой стёганой фуфайке, наспех застегнутой на две нижние пуговицы и накинута поверх тёплого цветастого халата, больно дёрнула Егорку за плечо, поворачивая парнишку к себе. – Оставь Сашу! Видишь, у него всё лицо в крови. Разве можно вам драться? Какой пример малышам показываете? – Галина Георгиевна перевела дух. – Спасибо Ляле Кукарцевой, забежала к нам, сообщила, что ты здесь вытворяешь. Марш домой!

Егорке уже и самому надоела драка – он победитель, злость и обида на Сундука истаяли. В его возбуждённой душе даже шевельнулось что-то похожее на чувство жалости к противнику. Он бы, честно, без дураков, подошёл бы сейчас к Сашке и протянул ему в знак примирения руку. Но только вот Сундук этот жест наверняка истолковал бы по-другому, а именно как дополнительное к синякам и ссадинам на лице, но более изощрённое и обидное унижение. Поэтому Егорка, махнув напоследок рукой стоящему у ступенек, улыбнувшемуся в ответ Стёпке, вяло поплёлся вслед за матерью домой.

– Алёша, ты бы уgomонил сына-то! – с порога начала мать, едва втолкнув Егорку в кухню. – А то ведь он среди бела дня да при людях в кровь измолотил соседского парнишку! Насилу отняла!

Отец отложил в сторону свежую городскую газету, поднялся с дивана и подошёл к сыну, который так и продолжал стоять у двери возле задёрнутой цветастой занавески вешалки. Алексей Петрович взял Егорку за плечи, повернул его так,

чтобы свет от окна падал тому на лицо, цепко взгляделся в зелёные глаза сына. Егорка хоть и поёжился, но взгляда не отвёл.

– Из-за чего и с кем подрался, сынок?

– С Сашкой Сундуком. Он Стёпку больно столкнул с горки.

– Так вы же вроде друзья с Сашкой?

– Давно уже нет. С самой осени. Как он с большими пацанами стал ходить.

– Понятно. Ты, мать, шибко не волнуйся. Наш парень поступил как надо.

И Алексей Петрович широкой своей твёрдой ладонью дружелюбно потрепал сына по русым вихрам.

– Ступай, Егор, к умывальнику, сполосни лицо. Ишь, Аника-воин!

В эту минуту снежок стукнулся в оконное стекло, и с улицы, приглушённые двойными утеплёнными рамами, раздались подростковые голоса.

– Егорка, ты где?

– Духарной, выходи!

– Что, струсил?!

Егорка было дернулся к двери, но отец повелительно остановил его.

– Ты, сынок, уже сделал свое дело, поквитался с обидчиком. А сейчас я им скажу пару напутственных слов.

Отец скорым шагом приблизился к окну, глянул вниз, где на тропинке, во главе с долговязым Богомоллом, толпилось человек семь подростков, и чуть поодаль стоял побитый и потерянный Сундук, открыл обе форточки и зычным голосом пробасил.

– Как я понял, вам сильно хочется свежего кровавого зрелища. Однако этого не будет. По новой стравливать ребят я вам не позволю. Хотите драться, вон вас сколько, так и устраивайте, коль чешутся кулаки, бои между собой. А ты да вот ты, длинный, отныне будешь у меня под особым присмотром. Если что, то я тебя быстро укорочу. Живо разошлись по домам!

И отец аккуратно притворил обе форточки, после чего повернулся к Егорке:

– Так-то, сынок, будет лучше. Иди всё-таки умойся. А ты пока, мать, собери чего-нибудь на стол. Видишь, парень наш умаялся и, должно быть, крепко проголодался.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Апрельское ласковое солнышко, такое уместное на синем небе, будто растянута неведомой, но доброй рукой между остроконечных снежных вершин вокруг Феденёва, особенно щедро осыпало своими лучами бревенчатую, отвесную, потемневшую от времени стену и завалинку, на оструганных, наклонных досках которой сидели дед Аким из барака напротив и Егорка. На электрическом, провисающем между домами, изолированном проводе покачивался серенький воробышек и весело чирикал.

– Слышь, малец, как энта пичуга уважительно навеличивает меня? – Дед Аким положил худой, поросший жидкой сивой щетинкой подбородок на сцепленные на рукоятке костыля костлявые пальцы и склонился на повернувшегося к нему с любопытством Егорку. – Вроде чирик, чирик, а в самом деле – вслушайся – чекист, чекист! Вишь ты, какое уваженье старому бойцу революции оказывает энта птичка-невеличка! А разобраться: она ведь тоже из нашего рабоче-крестьянского

сословья происходит. Всегда среди простых людей полётывает, обыкновенной пищи не гнушается, на зиму в тёплые края не дезертирует.

Егорка, соглашаясь, покивал вихрастой русой головой. Мальчуган тоже любил этих сереньких проворных птичек, как, впрочем, и остальных пернатых, порхающих в небе над их улицей: изящных и стремительных белогрудых ласточек с раздвоенными хвостиками, вездесущих, любопытных синичек, жёлтобрюхих трясогузок, что весь белый день весело вздёргивали упругие хвосты на песчаных отмелях речки Филипповки. Вот только к иногда залетающим поживиться отбросами и объедками на помойные дощатые, густо обсыпанные хлоркой ящики возле общественной уборной лохматым и неопрятным воронам мальчишки их улицы относились как к пособникам разгромленных отцами фашистов. По рассказам фронтовиков на полях сражений от прожорливых стай этих стервятников не было отбоя. Разжиревшие, обнаглевшие от безнаказанности серые птицы со своими железными, с засохшей кровью клювами, случалось, расклёвывали не только изувеченные трупы солдат с обеих сторон, но и нападали на еще живых беспомощных раненых. Кроме того, был у мальчишек и личный счёт к воронам – эти бессовестные хищники постоянно разоряли спрятанные в траве или под карнизами и в других застрехах домов и сараев гнёзда синиц и воробьёв, беспощадно расклёвывая крапчатые тёплые яйца отлетевших на минутку птиц. И хотя мальчишками были замечены в точно таких же неблагоприятных поступках и длиннохвостые стрекотуньи – сороки, но к ним у ребят отношение было несколько иное. Спугнут проказниц, пошвыряют вдогонку камнями, на том и успокоятся, видимо, потому что про этих птиц отцы ничего дурного не вспоминали.

На ворон же окрестная ребятня устраивала настоящие облавы, стараясь незаметно подкрасться со всех сторон, чтобы острым галечником подбить хищницу наверняка, однако опытные и осторожные птицы редко кого подпускали к себе ближе, чем на десяток метров, и почти никогда не получали сполна за свои злодеянья. Самый удачный бросок и меткое попадание совершил прошлым летом Стёпка Фёдоров, когда неожиданно для двух ворон, расклёвывавших ржавую рыбью голову на помойном коробе с открытой крышкой, Стёпка встал из полыни в пяти шагах и ловко метнул копьёцо с острым сплюснутым наконечником из консервной банки, поранив и сбив одну из товарок в вонючий люк. Правда, перед этим Стёпке пришлось более четверти часа пролежать, ни разу не пошевельнувшись, в зарослях горькой полыни, чем он тут же заслужил несомненное уважение всей дворовой малышни, наблюдавшей за его охотой из-за угла барака. И даже событие, последовавшее почти сразу же после его ловкого броска, когда Стёпка и подоспевшие на такую неслыханную охотничью удачу соседские ребята подбежали к коробу с проплешинами хлорки, а оттуда, шумно хлопая крыльями, вылетела и укрылась в густой кроне высокого клёна раненая ворона, даже и этот конфуз никак не повлиял на признание улицей за Стёпкой звания самого меткого стрелка. Не подбил в этот раз, повезёт в другой, главное, копьё-то какое – как настоящее! После этого случая многие мальчишки обзавелись подобным оружием с жестяными наконечниками и днями напролёт пропадали в зарослях полыни и под шатрами лопухов, карауля ворон. Но то ли мальчишки слабо соблюдали правила маскировки и птицы их легко замечали с высоты, то ли не выбрасывали на помойку ничего аппетитного, что могло бы заставить ворон забыть осторожность и самозабвенно пикировать на вожака короб, то ли хитрые пернатые

выжидали, пока мальчишек позовут домой обедать, и те, пусть и неохотно, но покинут свои засады, так вот, как бы то ни было, но больше такой счастливой охоты ребятне ни разу не представилось.

Обрывки цветных картинок еще роились перед глазами задумавшегося на минутку Егорки, когда его в реальность вернул надтреснутый старческий голос.

– Батьку твоего ить Алёшкой кличут? – Из-под косматых седых бровей в паренька уставились серые, холодные, вовсе не старческие глаза морщинистого деда Акима.

Егорке в интонации, с какой это было сказано, послышалось что-то угрожающее, и он непроизвольно отодвинулся от старика, но при этом согласно кивнув вихрастой головой.

– Да ты не боись, малец. – Дед Аким покровительственно усмехнулся тонкими губами, но глаза всё так же оставались холодными. – Энто я так, для себя уточняю. Батя твой – мужик видный, здоровый, чем и схож с дружком моим революционным Петрухой Перфилёнком. Много мы с ним контры порешили. Могли бы еще более, да белобандиты в двадцать втором подло закололи вилами соратника моего верного, покуль он реквизирувал у ихнего отродья излишки пшеницы из анбаров.

Дед Аким умолк, поковырял острым, приспособленным для безопасной зимней ходьбы наконечником костыля робкие побеги спорыша – травы и, не глядя на Егорку, неожиданно спросил:

– Уж не родня ль вы Петрухина?

– Да у нас вроде с такой фамилией нет никого. – Егорка задумался, и даже щеки покраснели, когда паренёк, перебрав в памяти всю близкую и дальнюю родню, не нашёл никого, кто бы участвовал в гражданской войне. В Отечественную воевал отец и почти все дядья, даже тётка Ефросинья телефонисткой в штабе служила, это Егорка крепко знал, а о революции и гражданской войне взрослые разговоров как-то не заводили. Вот разве что только баба Ксения, мамина мать. И Егорка вспомнил. – Был у моей бабушки старший брат, звали дядей Ваней. Так вот, бабушка рассказывала, что его взяли в армию и в шестнадцатом году, еще до революции, в Семипалатном убили взбунтовавшиеся киргизы. А был он совсем молоденький, не женатый, почти всегда сквозь слёзы говорит бабушка, всего-то восемнадцати годков. – Егорка остановился, перевёл дух и прямо посмотрел деду Акиму в глаза. – А за кого были киргизы в гражданскую – за красных или за белых, и почему они убивали наших, русских?

– Это как посмотреть – за кого! Ежели ты, к примеру, байских кровей, так тебя живо к стенке, али пузо жирное вскроют, как банку консервов. Коли ты наш пролетарский – вступай к нам в ряды. Таким мы завсегда были рады. А уж киргизы-то пощады к врагам не ведали – резали буржуев, как баранов. И не глядели, какой ты нации, русский там али ихних кровей, своих-то, помнится, еще пуще. А твой дядя Ваня, по всему выходит, был за буржуев, вот его и кокнули, – почему-то весело закончил свою речь дед Аким и опять поковырял острием костыля нежно-зелёный спорыш.

– Злой ты, дед, и чекист ты ненастоящий, – неожиданно для себя самого звонко вырвалось у Егорки. Здесь нет бы обеими ладошками зажать себе рот, но вместо этого мальчишка выпалил прямо в лицо опешившему старику: – Когда ты на прошлой неделе свою бабку Марусю пьяный гонял вокруг барака и лупил костылём,

помнишь, как она тебя обзывала? Шкуродёром и паршивым обозником! Вся улица слышала! – мстительно закончил Егорка и резво отпрыгнул с завалинки на лужайку, иначе рассвирепевший дед Аким точно бы сломал костыль об его вихрастую голову.

– Я найду на тебя управу! Недобитое отродье белогвардейское! Всех раскулачу и сотру в порошок! – сильным голосом ревел не на шутку расхолодившийся дед Аким, тыча костылём в сторону замершего в двух шагах от завалинки Егорки ноги которого теперь будто вросли в талую лужайку – убежать мальчишка вообще не умел. – Ишь, зверёныш, как зыркает! Так бы и сожрал меня глазами своими! Но мы, бывало, и не таким рога обламывали! У-у, контрик!

Дед Аким орал так громко, что воробушек, чирикающий на проводах свои простенькие гимны весне, испуганно умолк и тут же спорхнул в кусты распускающейся сирени, подальше от греха.

– Ты что это, старый хрыч, разбушевался? – На крыльце соседнего барака стояла бабка Маруся с корзиной выстиранного и отжатого белья, видно, только что вышла развесить его на верёвках, натянутых за домом, между двумя тополями. Старуха поставила корзину и подпёрла бока влажными, в фиолетовых прожилках, пухлыми руками. – Говорю тебе – оставь парнишку в покое! Нашёл с кем воевать! Ступай в хату, обедать пора, щи стынут. А ты, Егорушка, не серчай на старика, контуженный он ишо в гражданскую. Теперь вот обостряется. Ты уж давай, беги к ровне своей, там играйте, а к дедам с расспросами, пожалуй что, больше и не льни. Не тереби им душу.

– Егорка, идём на поляну, все наши пацаны там. – От расположенных Т-образно между бараками и речкой кирпичных гаражей и сараев по бетонной дорожке скорым шагом к ним спешил Сашка Сундук. После зимней стычки мальчишки давно уже помирились – живут-то на одной улице, да и какие-никакие, а друзья, сколько помнят себя с детства. Сашка дёрнул Егорку за рукав вельветовой курточки и повлёк за собой, а когда они отошли на достаточное расстояние, чтобы их не могли услышать ни бабка Маруся, ни дед Аким, горячо зашептал: – Я на завалинке грелся за углом и всё видел и слышал, как дед хотел тебя костылём огреть! Ишь ты – чекист выискался! Я поэтому специально, чтоб тебя выручить, отбежал к гаражам, как вроде я ни при чём, просто случайно шёл мимо, и вот видишь, оттащил-таки тебя от этого сумасшедшего старикана. – Сундук перевёл дыхание, поозирался по сторонам и злорадно закончил: – Ничего, сегодня вечером мы ему стукалку устроим! Он у нас попляшет, старый хрыч!

Егорка хотел было возразить Сашке, что зла на деда Акима не держит, но Сундук не дал ему и рта раскрыть, перескочив на другую, более близкую тему.

– Глянь-ка, Егорша, какой лянгой я разжился! – Сашка вытащил из кармана штанов и подбросил на ладони мохнатый кусок овчины с прикреплённым медной проволочкой куском сплющенного свинца. – Видел – лёгкая, как парашют! Теперь всех пацанов обыграем!

– Слушай, Саш, а это не из той ли шкуры, что ты выменял у деда Акумбая за школьный звонок? – Егорка и сам не понял, зачем спросил это, и он несколько сконфуженно посмотрел на друга. – Ты не подумай чего, я без всякого ехидства.

– Да я знаю, что ты не такой, – беззаботно отмахнулся Сундук. – Эту я выстриг из другой шкуры. А ту пришлось вернуть деду Акумбаю.

История эта случилась месяц назад, на весенних каникулах. Каждое утро через их улицу на подтаявшие и подсохшие сопки пожилой казах с посохом в узловатой руке, в длиннополом плюшевом чапане и косматом малахае прогонял десятка полтора овец. Весь день их пас, и как только садилось солнце, гнал овец обратно. Аксакал этот с семьёй жил в переулке, в небольшой избушке-мазанке с пригороженным крохотным огородом, одновременно служившим загоном для овец и скота. Для жителей их околотка было загадкой: как его немалое семейство – сам он, его жена и двенадцать их ребятишек, старшему из которых семнадцать, а младший посапывал в зыбке, – умещалось на таком крохотном пятчке. Однако казахи жили – не тужили. Едва вытаивали лунки во дворике, как аксакал вытаскивал из мазанки закопченный ведёрный казан, ставил его посреди огорода на треногу, и почти ежедневно морщинистая, со слезящимися щелками узких глаз жена Акумбая в овчинном жупане и цветастом платке хлопотала у костра, вываривая жирную баранину и готовя душистый бешбармак. Сам Акумбай был молчалив и сумрачен, то ли оттого, что плохо говорил по-русски, то ли оттого, что был постоянно погружён в свои загадочные степные думы. Как-то случайно Егорка услышал в разговоре взрослых о том, что редкие в их городке казахи попадали сюда чаще всего по вербовке на шахты, однако вольным кочевникам под землёй приходилось несладко, и они всяческими способами выбирались на поверхность, оставляли работу и возвращались, кто обратно в степи за Иртыш, кто, оседая здесь, обзаводился хозяйством. И тогда же кто-то из взрослых обронил, что вот, мол, прошлой осенью у всех скотину порешили, а у деда Акумбая вся живность целая, не может же этого быть из-за его большого семейства. Хотя кто его знает...

В последний учебный день перед весенними каникулами дежурить по школе выпало пятому «А» классу. Кроме того, что ребята с утра стояли при массивных дубовых дверях на входе и в гардеробе, смотрели, чтобы обувь у входящих была чиста и помыта, а пальто и куртки повешены на крючки, на большой перемене они помогали уборщицам наводить порядок в просторных коридорах, занимались другими мелкими хозяйственными делами по школе. А Сашке Сундуку, как самому бойкому и быстрому, завуч Анна Григорьевна доверила колокольчик, чтобы подросток, когда подходило время, бегал по двум этажам их каменной школы и весёлым перезвоном оповещал об окончании или начале урока. Дело в том, что электрический звонок накануне перегорел, замену пока не подвезли, поэтому и вспомнили о старом хромированном, гранёном колокольчике с деревянной ручкой и медным язычком. Вообще-то звонить должна была старшая уборщица тётя Клава, но она занемогла ногами, на первой перемене пожаловалась об этом завучу, а Сашка оказался поблизости и сам попросился быть добровольным помощником. Привилегией ему стало еще и то, что теперь учителя за пять минут до звонка отпускали Сашку с урока, и он со всех ног нёсся в подвал, в подсобку, где на топчане охала грузная тётя Клава, хватал с тумбочки колокольчик и счастливый мчался по этажам. Отзвонив окончание последнего урока перед уходом школы на долгожданные каникулы, Сашка спустился в подсобку отдать колокольчик тётю Клаве, но уборщицы на месте не оказалось, в запертой двери торчала сложенная вдвое записка. Сундук развернул бумажку и разобрал каракули: «Саша ушла к директору меня дождись». Сашка постоял, покрутил головой, да махнув рукой, резво побежал наверх: там в раздевалке его, поди, уж совсем заждались ребята с их улицы, чтобы вместе идти домой.

Предстоящие дни отдыха для ребятишек были таким праздником, рядом с которым не поставить никакое другое событие, пусть даже и самое примечательное. Конец марта в Сибири и на Алтае – это дружное, искристое таяние снегов, тёплое и ласковое солнышко, звонкие мутные ручьи, пробивающие себе путь сквозь, казалось бы, намертво спёкшиеся наледи и осевшие снежные брустверы по обочинам дорог. Это – величавый ледоход на горных и равнинных реках, дающий волю не только полой воде, но будящий и очищающий уснувшие на зиму души береговых насельников. А для местных ребятишек – это игры на подсыхающих полянах в круг-осла, в лапту, в двенадцать палочек и, конечно же, азартные состязания в лянгу, когда носком, коленкой, пяточкой выбиваешь себе очки, да еще надо так изловчиться, чтобы ни разу не уронить наземь эту самую мохнатую, отягчённую свинцом лоскутинку. И естественно, каждому мальчишке хотелось иметь свою собственную лянгу, чтобы не стоять в очереди, не заглядывать робко владельцу этого сокровища в глаза и не выклянчивать: дай хоть раз сыграну, хоть по однёрам? Сашка Сундук, широкая душа и натура предприимчивая, решил обеспечить раз и навсегда если и не всю улицу, то большинство страждущих этими овчинными лоскутками! Утром он не поленился, встал пораньше, подкараулил аксакала, встрял между ним и его немногочисленной отарой, без лишних слов вытащил из-за пазухи заветный колокольчик и зазвенел им перед носом опешившего старика. Однако замешательство у того продолжалось от силы секунды три, и вот уже коричневые морщины разглаживаются в приветливой щербатой улыбке, одновременно дед протягивает скрюченную длань к приподнятой над щербатой головой руке Сундука с колокольчиком: «Сё просись за иё, малес?» Сашка приосанился: «Выделанную овечью шкуру. Да чтоб полохматее!» «Завтра здесь зди», – и старик опустил длань и величественно прошествовал мимо удовлетворённо хмыкнувшего Сундука.

Назавтра, как и условились, произошёл обмен. Счастливый Сашка побежал домой перекусить, чтобы потом уже ничего не отвлекало его от удовольствия дележа овечьей шкуры между ребятами. Стёпка Фёдоров принёс огромные и остро на точенные ножницы, спёр на время у отца, известного в городке сапожника, Егорка прихватил в сарае шило с деревянной ручкой – дырки в свинце ковырять. Свинца наплющили и нарубили заранее. Так что всё было готово к почти серийному выпуску вождеденных лянг. Прибежал Сашка, и работа на закруглённых сиденьях под дощатым раскрашенным грибок закипела. Однако бурлила она недолго: неизвестно откуда перед ребятнёй вдруг вырос огромный, как барак на краю детской площадки, Николай Феоктистович, отец Сундука, подпёр своими мощными ручищами бока и грозно пробасил: «Тэк-с!» Ребятишки, хоть и не поняли пока ничего, но невольно теснее прижались друг к дружке и все вместе к синему столбу – ножке грибка. Из-за широченной спины дяди Коли выглянуло озабоченное лицо завуча, а потом показалась и вся Анна Григорьевна, сухощавая и строгая.

– Доброе утро, дети. Нехорошо, Александр, обманывать взрослых и подводить ребят, – назидательно, как на педсовете, начала завуч. Анна Григорьевна опасно покосилась на Сундукова-старшего и продолжила: – Я не думаю, что у тебя был умысел украсть школьное имущество. – Голос завуча смягчился. – Ты просто забыл вернуть колокольчик вовремя. Заигрался, так сказать. И сейчас мы исправим это недоразумение. Ты передашь мне звонок, я отнесу его в школу. Дело будет улажено. – Анна Григорьевна обернулась к Сашкиному отцу и как-то виновато и

ласково обронила: – А то ведь уборщица наша Клавдия Ларионовна из-за этого происшествия даже слегла. Вот и пришлось мне самой идти к вам разбираться. Ну что, Саша, неси колокольчик, да я верну его на место.

На некоторое время над грибком нависла звенящая тишина. Подростки шмыгали носами и молчали, дядя Коля так и стоял неподвижно, как монумент, и только страшно вращал своими круглыми карими глазами, которые постепенно наливались кровью. Заметив это, Анна Григорьевна как-то даже преобразилась внешне, передёрнула худыми плечиками, что-то похожее на усмешку скользнуло по тонким губам её, и завуч вперилась безжалостным взглядом в нечёсанные вихры стоявшего понуро Сундука.

– Александр, мы ждём! Не задерживай отца.

– Я ему, пожалуй, задержу! – Сундуков-старший положил свою бугристую, перевитую толстыми жилами клешню Сашке на плечо, отчего тот сразу скособочился и просел на скамье, и повернул сына лицом к себе. – Ботало-то, поди, уже сабрил кому? По глазам вижу, шельмец! Сказывай, у кого звонок?

– Папаня, не дави так на плечо, больно ведь! – Сашка шмыгнул носом и продолжил, как бы оправдываясь: – Мы с дедом Акумбаем поменялись по-честному: он мне вот эту шкурку, а я ему колокольчик на время наших каникул. А потом бы дед его мне вернул, а я бы в школу отнёс, – начал сочинять на ходу Сундук.

– Ты, парень, ври да не завирайся – вернул бы тебе! Теперь, пожалуй, дождёшься, как у моря погоды.

– А как же быть школе? – робко подала голос завуч. – Это же государственное имущество, на подотчёте у завхоза находится. – Анна Григорьевна глубоко вздохнула, что-то внутри неё щёлкнуло, лицо стало постепенно покрываться бурыми пятнами, глаза посуровели, завуч обрела себя. – Николай Феоктистович, я буду ставить вопрос об исключении вашего сына-хулигана из нашего учебного заведения. – Разошедшаяся не на шутку учительница в запале совсем перестала бояться Сундукова-старшего и металлическим голосом припечатала: – Я вижу, вы не занимаетесь воспитанием сына. Что ж, в свете случившегося школа имеет полное право обратиться в соответствующие органы с ходатайством по определению вашего сына в детскую колонию.

Мальчишки увидели, как тут уж растерялся и обмяк Сундуков-старший.

– Дорогая вы наша Анна Григорьевна, не надо, как говорится, выносить сор из избы. Не горячитесь вы так, я всё улажу. Сейчас этот лоботряс возьмёт овчину и отправится напрямик домой к деду Акумбаю. Я же провожу вас к хозяйке, супруге моей Акулине Ильиничне, тут недалеко, она вас чайком попотчует, а я тем временем схожу удостовериться в возврате и передаче нам, то есть вам, колокольчика. Давай, Саша, ступай немедленно к деду Акумбаю. Учительница ждать долго не будет. Шагай, я догоню.

Дед Акумбай и слушать не пожелал ни хныканья перепуганного Сашки, ни доводов подоспевшего отца юного коробейника. В сердцах Сундуков-старший дал хорошего подзатыльника сыну, швырнул под ноги невозмутимому казаху кусок злополучной овчины и напоследок, уходя со двора, так хлопнул ветхой калиткой, что та слетела с петель. Завучу же дядя Коля сказал, что старика не оказалось дома, он якобы пасёт овец на горе, будет вечером, вы уж, Анна Григорьевна, ступайте спокойно домой, а завтра, ну, не позднее послезавтра, сын сам принесёт колокольчик в школу.

Вечером Сашке была такая порка ремнём, что вопли слышали соседи за стенкой. Наутро отец, уходя на работу, закрыл Сундука на ключ до возвращения Акулины Ильиничны с ночной смены с ремонтного завода, где мать работала токарем. Однако Сашка отколупнул со вторых, вставленных на зиму рам замазку, содрал наклеенные полоски бумаги и, распахнув настежь окно, вылез по подоконнику и по старым крючьям-изоляторам, вбитым в потрескавшиеся от времени брёвна стен, ловко, как обезьянка, спустился со второго этажа вниз, во двор. И во все лопатки пустился к соседнему барaku, где в одной из квартир жила семья Лукиных. Вызвал Егорку в коридор и, сбиваясь от волнения, изложил тому план возврата колокольчика. Сейчас, мол, мы с тобой в ивняке на берегу Филипповки выломаем ствол потолще, в стайке у меня есть кусок туристической верёвки, сделаем аркан, проберёмся на гору, изловим барана с нашим боталом, и тогда папаня мне всё простит. Дескать, и деда Акумбая бояться нечего, я давеча из окна наблюдал, как он по дороге костылял с горы в свой аул. Надо успеть всё перевернуть, пока он будет свой бешбармак чавкать.

Барана с витыми рогами и кучерявой чёлкой на узком лбу ребята увидели сразу, как только выползли из голых колючих кустов шиповника к зазеленевшей на солнцепёке плоской полянке у покато́й вершины горы, с торчащими там и сям зубьями скал. Он в горделивой позе стоял на одной из наклонных плит и зорко следил за пасущимися овцами. Мальчишек он, конечно же, давно заметил, но всем своим видом выказывал полное презрение к этим жалким существам, копошащимся в колючках с какой-то длинной оглоблей. Свисающее с мохнатой шеи ботало позванивало в такт поворачивающейся рогатой голове жожака.

– Егорка, глянь, – этот старый хрыч ручку-то у звонка вырвал! – возмущённо прошептал Сашка на ухо другу. – Наверно, для того чтобы в дырку удобней было просовывать верёвку. Ишь ты, какой сообразительный! Ну, мы сейчас ему покажем – кто в доме хозяин! Будь здесь! – Сашка проворно поднялся с земли и пробежал с толстым ивовым удилищем в другую от невозмутимо стоящего барана сторону массивной скалы. Едва он скрылся за косо торчащими в небо базальтовыми иззубринами, Егор понял весь план товарища по охоте: тот решил подкрасться к гордому барану с тыла, и хотя у животных глаза располагаются сбоку, и это позволяет им в отличие от человека видеть почти всё, что происходит сзади, однако, если Сашка неожиданно выскочит из-за верхней скалы-глыбы, то у него есть возможность успеть накинуть на шею барана аркан, пока тот сообразит, что к чему. А ему, Егору, надо полагать, в этой операции отводится роль отвлекающего внимание предполагаемой жертвы. Молодец, Сундук. Только и успел паренёк это подумать, а из-за скалы ястребком вылетает Сашка и в одну секунду набрасывает широкую петлю аркана через лобастую морду барана тому на шею. Ошеломлённый таким неслыханным вероломством баран как взвился свечой на плите да как сиганёт с неё на поляну, в гущу перепуганных овец, которые вмиг разбежались в разные стороны! Как уж удержал прогнувшееся удилище Сашка, непонятно, но тут на спину упирающегося барана вспрыгнул подоспевший Егор; обезумевшее животное взбрыкнуло и перебросило мальчишку через рогатую голову; однако Егор за мгновенье до этого успел вцепиться двумя руками в пеньковую верёвку и дёрнуть её на себя и одновременно вверх, что позволило ей не зацепиться за витые рога. Больно приземлившись на мелкую щёбёнку, Егор тут же почувствовал, что какой-то неумолимой силой его начинает стягивать в заросли

шиповника, оттого что в ладонях у него по-прежнему крепко зажата злочастная верёвка, на которой, жалобно позванивая, болтается освобождённое ботало, но сама верёвка сплелась с туго натянутым жгутом аркана.

– Сашка, бросай аркан! Барана нам не удержать!

– Не бойсь! Я удилище сунул между двух скал – теперь и держать никого не надо! Побрыкается, обессилит, мы его и возьмём голыми руками. – Сундук уже отдышался и победно поставил правую ногу в потрепанном старом ботинке просившем каши расклеившимся тупым носком, аккурат на то место, где всего несколько минут назад величественно возвышался самонадеянный баран, который теперь отчаянно кувыркался и изворачивался на поляне.

– Кого брать голыми руками? – Егор уже встал на колени, всё так же крепко сжимая в кулаках верёвку. – Разуй глаза, Сашок, – ботало-то у меня! Ты лучше достань складень да обрежь аркан, пусть этот чертов баран убегает с хлястиком, зато уж точно не утащит нас в колючки.

В этот же день незадолго до темноты Сашкин отец, мурлыкая себе под нос мелодию из какого-то бравурного марша, отыскал в сарае, в ящичке с инструментами, отполированную ручку от лобзика, прикрепил её на место вырванной и, с торжественной ноткой в своём надтреснутом басы, вручил Сундуку школьный звонок: держи, мол, сынок, да более не балуй, а то, гляди вон, – мамка вся извелась! И с минуту помолчав, добавил: «Однако ж в эти дни остерегайся попадать на глаза старому казаху, неровен час – прибуёт».

Накануне, передавая вырванный звонок отцу, Сашка сбивчиво поведал, как им с Егоркой удалось перехитрить заносчивого барана. Николай Феоктистович на это лишь покачал своей огромной, посаженной прямо на мощные плечи головой и с расстановкой обронил: «Однако ж удал ты, сынок. Весь в меня. Только гляди, ничего матери не сказывай. А то будет нам с тобой хорошая выволочка за наши подвиги».

Вот это-то происшествие и вспоминали весело ребята, направляясь от барачных на поляну, где у жёлтоватой от фабричного концентрата Филипповки, ближе к береговому ивняку собрались в кружок подростки с их улицы. То, что здесь замышляется что-то необычное, Егор и Сундук поняли сразу, как только сбежали от моста с дороги на утоптанную тропинку и рассмотрели через спины товарищей, что творится в середине круга. А там происходило следующее. Богомол, сидя на корточках с непокрытой головой, заправлял стоящую перед ним стеклянную бутылку мелкими кусочками серого карбида, лежащего горкой на гофрированной картонке рядом на песке. Вот он осторожно опустил последний комочек через зеленоватое горлышко бутылки, удовлетворённо крякнул, распрямился во весь свой нескладной рост, молча сплюнул себе под ноги и достал из кармана помятых брюк потрепанный газетный листок и оструганную, с острым концом палочку, обернул её бумагой, примеряя – туго ли входит эта самодельная пробка в горлышко, и, провожаемый любопытными и настороженными взглядами подростков, вразвалку направился к реке. Лишь здесь он позволил себе прервать молчание, бросив через худое вздёрнутое плечо коротко: «Прячьтесь, пацаны, в промоину. Счас начнётся». Два раза повторять не требовалось – ребятню вмиг сдуло с поляны в старое, с торчащими по кромкам сухими стеблями прошлогод-

ней полыни русло, откуда можно было с безопасного расстояния наблюдать, как Васька подходит к реке, наполняет бутылку мутной водой, ставит её на песок и обломком кирпича заколачивает пробку. Дважды взбалтывает бутылку, бросает её в заранее выкопанную ямку на берегу и, столкнув своим кирзовым сапогом горку песка, присыпает этот самопальный карбидный заряд. Через несколько секунд Богомол уже в промоине и, отдышавшись от бега, прикуривает папироску и ждёт со всеми, когда звучно рванёт на берегу и осколки стекла посекут молодой ивняк. Однако взрыва всё нет и нет. Подростки начинают недоумённо переглядываться. Васька, затянувшись в последний разок, передаёт окурочек Сундуку, встаёт и не спеша направляется к присыпанной ямке.

– Васёк, не ходи! Рванёт, костей не соберёшь! – раздаётся ему вдогонку. Богомол, не оборачиваясь, лишь поднимает вверх правую руку и ладонью даёт решительную отмашку: не мешайте, дескать, минёру заканчивать своё дело. Из промоины хорошо видно, как Васька раскапывает ямку, вот уже и бутылка в руках, он её зачем-то взбалтывает и вновь наклоняется, чтобы вернуть заряд на место. Сашку Сундука в этот миг будто кто подтолкнул под микитки, он выскочил из укрытия и во всё горло заорал: «Васё-ок! Ложись!»

Богомол невольно обернулся на этот истошный крик, и вовремя – бутылка с карбидом с треском взорвалась у него в руках, осколки посекали в ключья пиджак, один впился в бок. Ваську всего обдало вонючей ядовитой жидкостью, однако побелевшее угреватое лицо, как и руки, в которых остались разбитое горлышко и днище, не задела ни стекло, ни крошки карбида – лишь клоч русых волнистых волос на затылке как бритвой срезало и разметало над яйцевидной бесшабашной головой. Визжащая то ли от восторга, то ли от опасения за жизнь Богомола ребятня со всех ног понеслась к раненому уличному заводилю. Между тем Васька отбросил осколки стекла и, стянув с себя пиджак, задрал окровавленную клетчатую рубашку и дрожащими худыми пальцами начал ощупывать горящий, как от раскалённых углей, левый бок. Вот пальцы его наткнулись на острый осколок. На счастье, основная часть стекла торчала наружу, и Богомол, пересиливая боль, большим и указательным пальцами сжал осколок и резко выдернул его. За всем этим процессом наблюдали подбежавшие и обступившие Ваську подростки и мальчишки. «Мужики! Есть у кого чистая тряпка – рану заткнуть? Рвать рубаху не охота. Да и маманя, если чё, потом проходу не даст». – Богомол обвёл просительным взглядом ребят и скосил глаза на прикрытую окровавленной ладошкой рану на боку. Егор выступил вперёд и полез в накладной карман своей вельветовой курточки: «На вот, Васёк, носовой платок. Ты не бойся, он еще не пользованный. Мама сегодня утром дала его мне. Я и брать-то не хотел, а, вишь ты, пригодился!»

Богомол быстрым, с промельком благодарности, взглядом окинул Егорку, подхватил измазанными кровью пальцами сложенный квадратиком платок и бережно прижал его к ране, через пяток секунд облегчённо вздохнул, цвикнул слюной себе под ноги, поднял голову и озорно, с чёртиками в уголках серых глаз, оглядел толпу: «Ничё, пацаны, жить буду!»

Вечером, ближе к ночи, как и настаивал угрожливо Сашка Сундук, ребятня устроила деду Акиму стуколку. Собравшись в кружок, под уличным фонарём, где света больше, не без усилия проткнули мелкую овальную картофелину иголкой с вдёрнутой толстой ниткой, пропустили сантиметров на двадцать, опробовав,

подёргали на весу, после чего Сашка, довольно хмыкнув, вручил иголку и картофелину Стёпке Фёдорову, оставив юрок с нитками у себя.

– Прoberись, Стёпа, тенью к Акимовским окнам, там найдёшь зазор в раме. Туда и втыкай. Да проверь, чтоб не сорвалась.

– Не учи учёного, Сашок! Сам же знаешь, что не в первый раз. Кто, пацаны, со мной?

– Иди один – так незаметней, – это уже стоящий чуть в сторонке и не принимающий участия в подготовке мальчишеской проделки Егорка подал свой голос. – А мы пока спрячемся в канаве за дорогой, там темно, оттуда наблюдать лучше, да и дед Аким, хоть из подъезда, хоть из окна ни за что не заметит. Давай, Стёпа, по-тихому – мы ждём. Саша, начинай распускать нитку.

Минут через пять, запыхавшийся от быстрого бега, Стёпка спрыгнул с бетонки в канаву.

– Всё, ребята, готово. Сашок, натягивай нитку. Повеселим деда!

Сундук сначала подобрал нитку внатяг, а затем полегоньку принялся её то ослаблять, то опять натягивать. Отсюда, из укрытия было хорошо слышно, как картофелина стала равномерно ударять в стекло, будто кто-то запоздалый косяшками пальцев стучит старикам в закрытое окно. Почти сразу загорелся свет, простоволосая бабка в ночной рубашке отдернула шторку и приложила пухлую ладонь ко лбу, загораживая глаза от лампы и чтобы лучше рассмотреть, кого же это в столь поздний час принесло? За секунду до этого Сундук ослабил натяг, и картофелина провалилась вниз на завалинку. В окне рядом с растрёпанной головой жены появилась заспанная физиономия деда Акима. Он что-то сказал, резко взмахнул сухонькой рукой и задернул шторку. Лампу погасили. Сундук быстро повторил дробь стукотка. Но свет теперь не зажигали, зато из подъезда осторожно пробралась бледная тень – это, как поняли ребяташки, сообразительный дед в одном исподнем решил накрыть неведомого озорника с поличным. Однако пошарив растопыренными руками под тёмным окошком и рядом вдоль стен, дед Аким уже сам нервно забарабанил в стекло. Опять загорелся свет, и старуха проворно отдернула шторку. Дед, стоя в пучке света, недоумённо развёл руками, глянул в одну и другую стороны и пошаркал в квартиру. Минут через десять, когда старики уж наверняка улеглись, а может, даже и задремали, Сундук вновь потихоньку выбрал нитку до натяга и обернулся к Егору.

– Счас уж точняком добьём этого старого козла! Чтоб впредь не рыпался!

– Хватит с деда, Сашок! – Егор положил свою ладонь на зажатый в кулаке Сундука юрок. – Поквитались – и будет, что мы – фашисты какие, беспомощных стариков изводить!

– Ты что, забыл, как он тебя утром чуть костылём не прибил? – Егор промолчал, а Сундук посмотрел ему прямо в глаза и уже примирительно проворчал: – Ну давай хоть разок еще стукотнём? Пусть попрыгает!

– Ну нет, вы как хотите, а я пойду тогда.

– Да ты что, мне больше всех, что ли, надо? И мы с тобой. Ну его, этого Акима, пусть себе дрыхнет. Стёпа, сбегай, вынь аккуратненько иголку с картошкой, чтоб деду утром не расстраиваться. – Сашка на секунду замолчал и тут же просветлел лицом. – А ты видел, Егорка, у соседского барака с той стороны, на углу фонарь повесили? Теперь на нашей площадке под грибком и ночью видно как днём. Айда, братва, туда. Стёпа, догонишь!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Еще пребывая в полусне, Егорка выпростал руки из-под одеяла, забросил их за голову на высокую подушку, сладко потянулся и свесил ноги на домотканый половик. Только сев на кровати и откинув от себя одеяло, он открыл наконец глаза и вдохнул полной грудью комнатный воздух, пахнущий не только чистым, проглаженным постельным бельём, как это было всегда в детской спальне, потому что у окна стояли гладильная доска и утюг, а мать никогда не упускала случая отгладить все вещи, вплоть до носовых платков, но сейчас из кухни сюда струился необыкновенный запах свежеиспечённых куличей и невесомых, с золотистой корочкой, сдобных булочек, шанег и кренделей, которые отец в шутку называл «безделушками» и которые мать из сладкого теста выпекала в духовке. Наверное, на кухонном столе, на широком подоконнике, что заставлены печёным, подумал Егор, отдельно возвышаются и огромные сдобные же пироги-корзины, начинённые толчёной черемухой с сахаром и украшенные поверху, между румяных, причудливо переплетённых, хрустящих решеток малиновым или клубничным вареньем. И на столе же, в самом центре, в глубокой вазе грудятся крашеные, вываренные в луковой шелухе и других красителях куриные яйца. А на газовой плите, в огромной эмалированной кастрюле с роскошным красным пионом на боку доходит наваристый борщ, который (как это бывало всегда перед красным днём календаря или не отмеченными в советских численниках, но особо чтимыми бывшими крестьянами, выходцами из патриархальных русских деревень, православными праздниками) мама сготовила глубокой ночью накануне. Запах борща тоже ощущался в насыщенном ароматами воздухе спальни. Вообще-то борщ в их семье относился к самым желанным первым блюдам, особенно если его щедро заправить домашней сметаной, а если еще и отец садился за стол, так Егор с сестрой непременно с ложками пристраивались рядом – так они любили хлебать отцову тюрю: крепко поперчённый борщ с крошенным в него хлебом. И запивать это несказанное лакомство надо было обязательно холодным молочком. А вот сваренный к празднику борщ у матери всегда получался таким вкусным, что гости после первой и второй рюмки выскребали тарелки досуха и весёлыми голосами требовали добавки. Как это у неё выходило, Галина Георгиевна объяснить не умела, но слава о её борщах и воздушных, тающих во рту сдобах бежала далеко впереди по всему околотку. И когда у кого-либо из родни или соседей намечалось торжество, то люди приходили к ней, договаривались заранее, чтобы в такой-то день Галина Георгиевна наварила своего особенного борща и напекла им ватрушек, а то и пирогов-корзиночек с ягодной начинкой.

Егор через комнату прошёл к стоящему у стены плетёному венскому стулу, на спинке которого, аккуратно убранные, висели его брюки и рубашка. Одевшись, он направился в кухню, где в цветастом фартуке, повязанном поверх платья, хлопотала мать у печи.

– Доброе утро, мама!

– Доброе, сынок! Христос воскрес!

Паренёк радостно кивнул вихрастой головой, но ничего не сказал.

– Егорушка, сегодня Светлое Христово Воскресенье. И надо отвечать: Воистину воскрес!

– Я позабыл правильные слова, а путаться побоялся. Воистину воскресе, мама!

– Ну, иди умывайся, да к столу. Сейчас отец вернётся из стайки. И будем завтракать. Кстати, Алёнка за папку увязалась, щebetунья наша. Встала нынче ни свет ни заря. Пособила и мне управиться с кренделями, наносила кисточкой глазурь на булочки.

Не успела Галина Георгиевна закончить фразу, как входные двери распахнулись, и в квартиру ввалился, пропуская вперёд себя дочь, Алексей Петрович, неся в обеих руках по внушительной, округло выпирающей по бокам матерчатой сумке. Похристосовались, и отец принялся извлекать из сумок стеклянные трёхлитровые банки с солёными огурцами, помидорами, квашеной капустой, мочёными яблоками.

– Вчера припозднился с работы, – как бы оправдываясь перед сыном за то, что в праздник пришлось делать то, что обычно делается накануне, говорил отец, разбирая соленья, – вот и полез сегодня в погреб. Ну, да лучше поздно, чем никогда, – шутливо закончил Алексей Петрович и направился к расположенному в простенке между дверью и газовой плитой умывальнику сполоснуть руки.

За праздничным столом взрослые разговелись рюмкой домашней настойки, а Егор и Алёнка устроили состязание: у кого крепче биток. Ребятишки выбирали в вазе самые прочные, на их взгляд, яйца, всеми пятью пальцами обхватывали и ударяли их носик об носик. Чьё яичко трескалось или раскалывалось, тот вынужден был отдавать его, как трофей, сопернику. Таково неписаное правило подобных сражений. Уж кто его установил, неизвестно, но на их улице оно выполнялось безоговорочно.

– Везёт же Сундуку! Уже полную авоську набил яиц, – навстречу Егору с дочатого решётчатого сиденья под грибком поднялся расстроенный Стёпка Федоров и махнул рукой в сторону уходящего по бетонной дорожке Сашки. – Ободрал нас, как лытку. Видишь, добычу домой понёс.

Мальшня под грибком нестройным звоном детских тенорков поддержала Стёпкины слова.

– Сашок! погоди! – громко, на всю улицу закричал Егорка. – Давай сразимся! У меня такой биток, что любого победит!

На крик Сундук обернулся, приветливо кивнул и, недолго думая, заспешил назад к грибку.

– Моё условие – бьёмся на все!

– Добро, Сашок. Вот мои шесть штук. – Егор бережно извлёк из глубоких карманов пиджачка крашенные яйца и разложил их на столике ближе к столбу. – Начали!

Биток у Сундука был ярко-красного цвета, он хищно поблескивал на апрельском солнышке, весь будто выточенный, носик заострён, словом, – настоящий боец. Не прошло и двух минут, как Егор проиграл вчистую, и всё его разноцветное богатство пополнило авоську Сундука. Довольный Сашка от избытка чувств, дурачась, даже чмокнул в носик своё непобедимое яичко, прежде чем сунуть его в карман курточки. Да, видно, заигрался паренёк, вместо правого кармана опустил его в левый, а там дырка, точь-в-точь по размеру яйца. Оно возьми да вывалилось на бетонку. Некоторые из мальчишек ойкнули и даже зажмурились

ожидая треска расколотого яйца. Однако оно, дважды подпрыгнув, невредимо и весело укатилось с бетонки в пробивающуюся зелень травки-муравки.

– Так вот оно в чём дело!

– «Победитель»!

– Деревянным яичком, конечно, можно биться!

– Гони назад, всё что выиграл!

– Ребята, разбирай, каждый свои! Да и Сашкины поделим как трофеи! – Ватага сбилась вокруг обескураженного Сундука, и кое-кто уже нерешительно теребил серую материю его бугрящейся от добычи сумки.

– Да вы чё! Это моя военная хитрость, – пробовал отбиться от нападающей ребятни Сундук. – Если б у вас папки работали столярами, я бы посмотрел, что вы бы навывтворяли! Ладно, свои берите, мои только попробуйте взять, мало не покажется!

– Сашок, да ты просто жулик! – кровь, прихлынувшая к лицу Егора, как только он понял, что Сундук их одурачил и биток у него небьющийся, искусно выточенный из брусочка на деревообрабатывающем станке, теперь отлила от висков, и ему почему-то стало весело. – Как говорится, сколь верёвочки ни виться, а конец всегда один! Разбирай, братва, свои трофеи. – Говоря это, Егор наклонился и нашарил рукой в траве злополучное яйцо. – Приглашаю всех на речку, сейчас мы будем топить вражеский корабль. Собирайте по дороге камни, они станут нашими снарядами. – Егор обернулся к стоящему понуро в сторонке с опустошённой сумкой провинившемуся другу. – Сашок, а ты с нами?

В ответ Сундук передёрнул плечами, с вызовом глянул в лицо Егору, отвёл глаза, рука его медленно начала подниматься вверх, видимо, для того чтоб отмахнуться – да пошли вы! – но уже через пару секунд Сашка беззаботно растянул рот в широкой улыбке и опять прямо посмотрел в глаза другу.

– А почему бы и нет? Еще увидим, кто первый попадёт!

Стоя на изгибе обрывистого берега Филипповки, Егор размахнулся и запустил деревянное яйцо как можно дальше, вверх по течению. Снега в горах еще не таяли, и поэтому речка текла спокойная, только неделю как освободившаяся от ледяного покрова. Яйцо красным поплавком плыло навстречу ребячьей ватаге. Что тут началось! Самые нетерпеливые уже швыряли камешки, те, не долетая до цели, плюхались, пузыря речную гладь. Егорка и Сашка, изредка поглядывая друг на друга, пока выжидали. Но вот яйцо оказалось на расстоянии верного броска. Окамыш, который метнул Егор, ушёл в воду в полуметре от беззаботно плывущего яйца, зато плиточка, плоская синяя галька, направленная ловкой рукой Сундука по-над водной гладью, спекла три «блинчика», а потом подсекла и подбросила высоко в воздух безмятежное яичко. Ребятня от восторга захлопала в ладоши.

– Да, Сашок, – это надо суметь. Ты победил! – примирительно промолвил Егор, обращаясь к другу и одновременно наблюдая, как мальчишки продолжают бомбардировать камнями удаляющееся по реке деревянное яйцо. С минуту помолчал и заключил: – Видишь, заодно и размялись.

– Пацаны, сегодня же праздник. Побежали в церковь, там вот-вот у бабок закончится служба. – Сашка перевёл дыхание. – Надо успеть, пока другие не заняли места вдоль забора. Вот расживёмся!

Ребятня одобрительно загудела, только трое мальчуганов, боявшихся, что за самовольный уход за пределы улицы их накажут родители, потихоньку отошли

в сторонку, а остальные весёлой гурьбой, минуя бараки, отправились за железнодорожные пути в переулок Алтайский, где вблизи насыпи в одной из рублевых добротных изб располагалась православная церквушка. Егорка слышал от стариков, что когда-то в их Феденева невдалеке от теперешнего городского базара возвышались деревянный Успенский храм и листовая колокольня и по праздникам с их высоты на улицы и предместья лился исцеляющий душу звон благовеста. Но в тридцатых годах, по рассказам стариков, в дни гонений на церковь, храм и колокольню разобрали, брёвна и доски пошли на строительство овощехранилища, певучие колокола часть разбили и отправили на переплавку, часть прихожане успели снять до прихода активистов из общества пламенных безбожников и спрятать до лучших времён. После Великой Отечественной войны со стороны властей якобы наступило послабление в притеснении верующих, снова открывались храмы, в основном те, что не доломали неистовые борцы с религией. В Феденева горисполком тоже не стал препятствовать новым веяньям и разрешил православной общине выкупить какой-нибудь дом, но только не в центре города, а где-нибудь на окраине, и там отправлять свои культы и прочие предрассудки. Прихожане тайно принесли во вновь обретенный храм сохранённые иконы и припрятанные от недобрых глаз колокола. Верующие, а это в большинстве своём люди преклонного и среднего возраста, потянулись в Алтайский переулок; те же из горожан, кто моложе, еще в детстве хлебнули безбожного варева, и в головах у многих из них была такая каша, что некогда было заглянуть к себе в сердце, разобраться в своей душе. А некоторым застил глаза лукавый хрущовский лозунг о том, что скоро мы, дескать, построим полный коммунизм, а он, как известно, – рай на Земле. Так что незачем обивать церковный порог, вымаливая у какого-то сказочного Бога лучшую долю, всё и так скоро придёт само, да еще и на блюдечке с голубой каёмочкой. Но на Егоркиной улице обитало немало семей, чьи корни тянулись в русскую деревню, и даже когда в местном клубе перед началом кино с лекцией о пережитках прошлого и мракобесах выступал кто-либо из работников исполкома или горкома и просил проявить активность, люди сидели и помалкивали. Помалкивали и Егоркины отец и мать, а сам он, если его брали с собой родители, посиживал, поёрзывал на обтянутом кожей кресле да ждал с нетерпением, когда этот причёсанный дядька в костюме и галстук закончит трепаться, спустится со сцены, мужики отнесут в нишу трибуну, раздёрнут шторы, открывая белое полотно экрана, в зале погаснет свет и наконец-то начнётся фильм про войну или какая-нибудь весёлая комедия. Сказать, что все в их околоте были набожными, Егорка бы не смог, но вот баба Лена Воробьёва из второй секции, что находилась прямо под Егоркиной квартирой, на первом этаже, так та дённо и ночью пропадала, по словам её мужа деда Арсения, в этой своей богадельне. Дед, когда подвыпьёт, бывало, пошумливал, и весь подъезд был вынужден выслушивать его бессвязные пьяные крики о том, что, мол, мы не за тем кровушку свою проливали, чтобы нами опять попы командовали. Однако бабушка, тёмный платок которой всегда был подвязан на подбородке и надвинут низко на лоб, никогда не повышала своего мягкого вкрадчивого голоса не только на расходившегося мужа, но и на соседей и их детей. А еще она умела заговаривать всякие недуги и хворости. Почитает молитву, побормочет что-то над болящим, выльет воск в святую водичку, накажет пить по три раза в день, глядишь, и ребёнок перестал заикаться, прудить по ночам в кроватку. Помогала баба Лена и взрослым от сглаза

от худых привычек, только одно условие, приговаривала богомольная, чтобы ты был крещёным и в тебе теплилась хоть капелька веры.

Про себя Егорка, хоть и был он во младенчестве крещён, а в одном из ящичков серванта в жестяной коробке из-под леденцов среди прочих мелочей лежал и его медный крестик, не смог бы точно сказать – крепко он верит или нет, но к двум старым, давно уже выцветшим бумажным иконам, в тёмном окладе за стеклом (они, задёрнутые прозрачной занавеской, возвышались на полочке-божнице под потолком в правом углу кухни), подросток относился с тихим трепетом и втайне даже побаивался седобородого босого мускулистого деда в хитоне на одной из них, замахивающегося тяжёлым посохом на испуганно жмущихся к скале обнажённых кудрявых малышей и мужчин и женщин в светлых одеяниях. И было непонятно, то ли грозный старик хочет прибить кого из этих перепуганных людей, то ли указывает страшным изогнутым посохом путь своим соплеменникам. На заднем плане этой живописной иконы, обрамлённой по верхним углам чем-то похожим на грозди спелого винограда и с крылатыми ангелами ниже этих гроздей, каменная дорога, уходящая к утёсам, за которыми просматривалось синее библейское небо.

Когда ребятня свернула в церковный переулочек, все поняли, что не они первые: у распахнутых настежь ворот, увитых и украшенных свежими пихтовыми лапками, бумажными гирляндами и цветами и расписанных по дуге верхней перекладины праздничными словами «Христос воскрес», вдоль дощатого забора стояло человек шесть мальчишек.

– Гляди ты, алтайские опередили нас! – Сашка сплюнул себе под ноги и бесшабашно прикрикнул: – Пацаны, счас будет махаловка за место под солнцем! Нас больше – бей алтайских!

Но боевой клич Сундука никто из ватаги не поддержал, да и сами алтайские, видя численное преимущество пришедших, а может, еще и осознавая, что у церковной ограды драться как-то не по-людски, молча потеснились. Сундук бесцеремонно встал первым у ворот, откуда вот-вот должны были показаться богомольные старушки с разными сладостями в своих кошёлках, остальные ребята растянулись по всему переулочку вдоль забора. Едва стихли последние звуки праздничного колокольного звона, как паперть и дворик наполнились выходящими со службы прихожанами, лица которых казались Егорке если и не одухотворёнными, то уж точно какими-то необыкновенно прояснёнными. Трижды осенив себя крестным знаменем с поясным поклоном, люди не спеша выходили за ворота, старушки останавливались перед мнущимися у забора мальчишками, что-то искали в своих сумочках и кошёлках и одаривали ребят кто конфеткой, кто пряником или ватрушкой. А некоторые доставали глубокие мисочки с кутьёй и заставляли съедать с ложечки сладкий рис, варённый с изюмом. Кто-то из мальчишек и морщился, но ел, потому что не хотелось задеть старых богомолок, чтобы те, обидевшись, в сердцах не лишили их и других пасхальных милостыней.

С полными карманами добычи возвращались ребята в свой околоток, когда Егорку осенило.

– Побежали на гору костры жечь! Еда у нас есть, спички тоже. Я сейчас – на полянку, отец наказывал поглядывать, как там наш сосунок Мартик, чтоб не запутался в верёвке, оттуда – в сарай, отцеплю Байкала, пусть и он на горе помышкует. Там нор нарыто, знаете, сколь! Повезёт, то и крота добудем.

– А я, так и быть, забегу домой, – поддержал Егорку Сашка, – нагребу в кладовке из ларя картохи, славно запечём в углях!

Костёр наладили под вершиной, невдалеке от плоской наклонной скалы, на метр вылезшей из земли – здесь меньше задувало свежим, окрепшим к обеду ветерком и дрова не надо было таскать издалека: чуть ниже по склону зеленели первыми резными пучками клейких листочков заросли акации. Благодаря этой зелени мальчишкам легче было отыскивать и выдирать из кустарника сухие, жарко пылающие в костре хворостинки: увидел ветку голую, да еще и с кое-где содранной и отшелушенной корой, ту и бери, не прогадаешь, она и сломится в один хруст, а не будет упрямо гнуться и вырываться из рук, как, например, живой упругий стебель. Байкал носился по горе как угорелый, нарезал петли и круги, лапами разрывал овальные кучи прошлогодних кротороин, просовывал мокрый, испачканный землёй нос в слежалую траву и сухие листья, что-то там вынюхав, подпрыгивал на месте и энергично бросался в кусты за убегающей полёвкой. Настигнет, даванёт мышку, проглотит, почти не жуя, и опять, счастливый, носится по склону. Егорка улыбнулся, отвёл глаза от пса и палкой поворошил алые угли. Еще минут пять, и можно закладывать в прогорающий костёр приготовленный картофель.

– Глянь, Егор, какая красота! – Подошедший Стёпка Фёдоров бросил охапку хвороста рядом с костром и показал рукой вниз, на их улицу, отчёркнутую шоссе́йной дорогой у подножия от депо с узкоколейными тепловозами и вагонами.

Частные, как их называли взрослые – «свои» дома, в аккуратных квадратах садов и огородов вдоль извилистой поймы реки Филипповки, взбитые кущи ивняка по обрывистым берегам, автомобильный мост с деревянными перилами, покатые шиферные крыши двухэтажных бревенчатых барачков, дружелюбно обступивших со всех сторон детскую площадку с песочницами, волейбольным полем, качелями и грибами, чуть дальше широкие железнодорожные пути с вереницами вагонов и цистерн, под парами маневровый паровоз-кукушка, за полотном виден золотистый купол церковки – всё это такое милое, родное и, кажется, до краёв наполнено беззаботными, сродными весенним, ароматами детства. Однако что-то тёплое ответить другу Егорке помешала толпа алтайских, неожиданно появившаяся с противоположного склона горы. Видно было, что подростки, среди которых Егорка узнал и тех, кто стоял утром с ними у церковного забора, настроены воинственно. Мгновенно оценив обстановку, он понял – сила на стороне алтайских: они и числом превышают, да и больших пацанов среди них немало. Подбежал запыхавшийся Сашка Сундук, в руках он крепко держал сухую толстую ветку черёмухи, которую только что выломал на костёр под горой, в ложбинке.

– Чё, пацаны, будем махаться!

– Да ведь их больше!

– Побьют!

– Не бздите! Иль забыли, что воюют не числом, а умением, – к месту вспомнил

Сашка яркую фразу из неделю назад показанного в клубе фильма «Суворов». – Главное: держитесь вместе и спин врагу не открывайте. Вооружайтесь камнями. Биться, так биться!

– Может, еще и обойдётся, – нерешительно вставил Стёпка, оглядываясь и ища вокруг себя что-нибудь такое, чем можно защититься.

Между тем алтайские уже приблизились и взяли в оборот стоящих вокруг костра Егорку и его друзей. Курносый крепыш, с крохотным шрамом над губой, в стёганой фуфайке и клетчатой модной кепке надвинулся на Сашку Сундука и фасонисто цвикнул слюной себе под ноги.

– Этот, что ли, пацаны, на вас буровил?

– Он самый!

– Меня так толкнул, что я чуть штаны не порвал об гвоздь в заборе!

– Чё ты врешь! Кого я толкал? Так, подвинул маленько. Да вы ведь и сами были не против потесниться!

– Ты еще побазарь мне, гусь чернявый!

– Да пусть он не гундосит! Вломи ему, Кольша, чтоб больше не рыпался!

Егорка пока не вступал в перепалку, но чувствовал, как сохнет в горле, наливаются силой, тяжелеют кулаки и внутри у него сжимается какая-то жёсткая пружина, еще немного – она распрямится, и тогда он за себя не отвечает. И тут краем глаза он отметил, как долговязый паренёк с велосипедной цепью в руке норовит зайти Сашке за спину, чтобы оттуда неожиданно перетянуть Сундука этой цепью вдоль хребта. Раздумывать было некогда, и Егорка прыгнул на долговязого сбоку, сбивая того прямо в костёр. Сашка тоже не зевал: заметив, как у крепыша из рукава фуфайки в ладонь скользнул трёхгранный напильник, Сундук так боднул толстым концом своей палки того в солнечное сплетение живота, что крепыш упал и скрючился на земле, судорожно хватая воздух широко раскрытым ртом. Сашка подбросил в руках сушину и принялся молотить ею налево и направо. Алтайские отступили, закружились вокруг него, выжидая момент, чтобы как-то уgomонить раздухарившегося Сундука. Стёпка тоже отчаянно тыкал своими кулаками в перекошенные лица и тёмные куртки нападавших, от полученных тумачков у него уже всюю горели щёки, нос и скулы, но сбить его с ног у алтайских никак не получалось. Остальные ребята с их улицы держали оборону кто как мог. Егорка ловко уворачивался от ударов палок и цепей, лавировал между противниками, чувствительно торкая тех в бока, ловил руками пинки и, задирая пойманные ботинки и сапоги как можно выше, отбрасывал алтайских подальше от себя. И хотя он пропустил несколько хлётких затрещин по затылку и в подбородок, азарт драки у Егорки только нарастал. Но вдруг стало так тихо кругом, что зазвенело в ушах, или это только показалось, когда он увидел в двух метрах перед собой прущего на него Кольшу, с направленным прямо в грудь Егорке трёхгранным напильником. Еще шаг, и от удара не увернёшься! Егорка замер, ноги стали ватными, и в этот миг откуда-то сбоку по воздуху пронёсся яростно рычащий лохматый комок, класцнули собачьи зубы, прежде чем впились в оголённую кисть вытянутой руки с поблескивающим холодным оружием. Кольша уронил напильник и заорал благим матом, свободной рукой пытаясь сбросить Байкала с себя, однако запнулся за кочку и навзничь грохнулся на щебенку. Пёс, разжав челюсти, уже перебирал мощными лапами по задравшейся фуфайке и тянул свою продолговатую морду с раскрытой пастью к напряжённому горлу заходящегося в истошном крике паренька. Егорка, не раздумывая, упал на Байкала, обхватил подрагивающий корпус пса обеими руками, перевернулся с ним по склону и прижал вырывающегося пса к земле. Драка к этому времени приостановилась. Алтайские

в первые минуты нападения пса растерялись, они были ошарашены участью своего вожака, друзья Егорки, тяжело и прерывисто дыша, сходились, образуя вокруг него и Байкала живое кольцо. Между тем Кольша поднялся с щебёнки и, покачивая-понянчивая прокушенную кисть, бросил в сторону противников:

– Чё, салаги, победили?! Пацаны, хватай камни и бей проклятого пса. Счас мы его прикончим, а заодно и всю эту мелюзгу!

Дело обретало крутой поворот. Алтайских было раза в полтора больше, и если б каждый из них метнул хоть по несколько окатышей или скальных плиток с зубуринами, то Егоркиной команде крепко бы не поздоровилось. И как назло, на том месте, где столпились они с прижатым к земле Байкалом, кроме редкой серой прошлогодней травы, ничего не лежало. Хоть бы камушек какой подобрать, чтобы ответить на ожидаемую бомбардировку алтайских! Мало того, даже и укрыться-то негде.

– Что за шум, а драки нет! – в напряжённой до звона тишине железом по стеклу прозвучал хриловатый голос Васьки Богомола. – Братва, никак наших бьют!

Старшие пацаны весёлой ватагой вывалили из-за вертикальных скал у вершины, поигрывая надёрганным где-то по дороге сюда штaketником.

– Вот теперь всё по чесночку! Силы примерно равные.

Богомолу явно нравилась роль командующего на предстоящем побоище. С их прибытием алтайские оказывались зажаты в клещи с двух сторон. Егор крепко держал Байкала за кожаный ошейник, да и пёс, почуяв, что теперь маленькому хозяину ничего не угрожает, немного успокоился, и хотя дрожь по шерсти утихла, но он всё равно, наострив свое стоячее ухо, с предельной настороженностью наблюдал за происходящим, готовый в любую секунду ринуться в бой. Растерянный Кольша и его друзья, сбившись в бесформенную кучу, незаметно побросали заготовленные гальку и осколки скал наземь и теперь, чтобы выказать всё своё миролюбие, прятали за спины колья и велосипедные цепи.

– Я даю вам, алтайская шпана, право выбора. – Глазастый Васька упёр один конец своей штaketины в щебень, а на второй положил худые ладони – ни дать ни взять – справедливый и мудрый вождь индейцев! – и с расстановкой продолжил: – Либо вы сдаёте всё оружие, и мы вас отпускаем, если нет, то мы вас счас же и начнём лупасить, как дед Аким свои матрасы по субботам!

От последних слов вся ватага покатила со смеху, живо припомнив деда Акима и то, как он яростно колошматил толстой, вырезанной наподобие весла палкой вывешенный на турнике матрас до тех пор, пока тот не сваливался деду на голову и не сбивал старика с ног.

– К сдаче оружия приступить! – Богомол указал штaketиной на ворох хвороста слева от себя: сюда, мол, складывать трофеи. Алтайские понуро потянулись мимо него, освобождая руки от палок и цепей. Васька хохотнул: – Гляди, пацаны, сколь дров на костёр накандычили! А всё спасибо этой пигалице – Ляльке Кукарцевой. Мы на полянке в камушки играли, она бежит, квохчет. – Васька, передразнивая девочку, затараторил тонким писклявым голоском, с плаксивыми нотками. – Стою я, значит, на мосту, разглядываю волны, а тут чужие мальчишки идут, да так их много-много, что я вся обмерла и оробела, но одним ушком всё равно слушаю, чё они брешут. А они хвастают про меж собой, как счас будут охаживать колами мальчиков с нашей улицы, что, дескать, так неосторожно без спросу взрослых пошли на гору жечь какие-то костры. Ну, я сразу к вам и припустила, так мне жаль стало

бедных наших ребят! Убьют ведь их, проклятые хулиганы! – Богомол переждал смех друзей и закончил уже своим голосом с характерной хрипотцой: – Теперь, Егорка и Сашок, вы должны килограмм карамелек или подушечек «дунькиной радости» подарить вашей спасительнице, ну а мужикам, так и быть, разоритесь на пачку «Беломора». – Васька подавил смешок. – Мы вас не торопим – можно и с первой полочки.

– Конечно, Васёк, замётано! – Сундук вытащил из изрядно подросшей кучи дров парочку самых сухих хворостин, одну подбросил в притухший костёр, другой поворошил уголья, которые мгновенно вспыхнули весёлым оранжевым пламенем. – А пока что рассаживайтесь по бугру, минут двадцать – и я угощу вас печёной картохой. Отпразднуем нашу победу.

Егор тоже пододвинулся ближе к огню. Как только алтайские утекли вниз по склону, растворившись в кустах акации, он опять отпустил Байкала побегать.

– Ребята, неси на круг свои авоськи! – У Егорки загорелись глаза, словно он вспомнил что-то хорошее. – Давайте выберем место, да вон хоть на траве, где поровнее, и устроим пир на весь мир. А то с этими драками и про праздник забыли.

– Правильно. Война войной – обед по расписанию. – Видно было, что у Богомола настроение превосходное. – Мы с братвой у вас как вроде почётными гостями будем.

После сытных пасхальных варёных яиц, кренделей и ватрушек, ароматной, испеченной в углях картошки и прочих вкусностей, приправленных свежим апрельским воздухом и запитых студёной водичкой из бьющего ниже по склону родника, подростки разбрелись по горе кто куда. Богомол с ватагой спустились опять к Филипповке на поляну доигрывать в свои камушки, некоторые из ребят ушли с ними, кто-то, вооружившись палками и камнями, перебрался на вершинку рядом, поохотиться – там будто бы водились суслики и хомяки. Егорка свистнул Байкала и, огибая колючие заросли шиповника, направился в южный лог, где на солнцепёке всегда первыми прорастали похожие на изящные колокольчики лазоревые, с фиолетовым налётом, кандыки. Коль сегодня праздник, то и букет полевых цветов в зале на застеленном бархатной скатертью с кисточками круглом столе с фигурными ножками будет в самый раз. Наклоняясь в пояс и ухватывая двумя пальцами стебельки за основание, Егорка ловко надёргал десятка полтора кандыков вместе с длинными, прозрачно-матовыми корешками. После этого уселся поудобнее на присыпанную щебнем коряжку, отделил цветки от корней, уложил кандыки в хорошенький букетик, а корешки один за другим принялся есть, со вкусом пережёвывая сладкие и сочные растения. Сидящий рядом Байкал, не скрывая своего любопытства, наблюдал за тем, как его любимый хозяин расправляется с корешками. Егорка, заметив внимание пса, дружелюбно кивнул и бросил тому несколько корешков. Байкал благодарно вильнул хвостом, обнюхал необычный гостинец и поднял на паренька свои умные глаза, в которых нетрудно было прочесть что-то схожее со снисходительным упрёком: «Ты что ж, хозяин, забыл, что мы, псы, – хищники, а не какие-то там травоядные! Уж лучше я побегу поохочусь». Байкал пружинисто подпрыгнул на месте и через секунду исчез в ближайших кустах акации. Егорка доел нехитрые горные витамины и поднялся с коряги на ноги. Ему пришлось в голову взобраться на скалистый боковой гребень и там поискать слизуна, ядрёного, с широкими сплюснутыми зелёными перья-

ми, то ли дикого лука, то ли чеснока. Мать рассказывала, как в годы войны он выручал их в деревне. Девчонками, ранней весной, едва только сошел снег, они собирали на окрестных сопках слизун охавками, приносили домой, и бабушка, мелко нарезав эту целебную зелень, смешивала её с мукой, добавляла мякоти прошлогодней тыквы и заводила тесто, чтобы напечь в русской печи оладушек, слаще и вкусней которых в те суровые годы, по словам матери, ничего и не придумать. Егорка, слушая мать, всегда живо представлял себе и ворох слизины, и разломленную жёлтую тыкву, и даже никогда не виденную им прабабушку Марию Андреевну, слышную на всю округу отменной травницей и знахаркой, но, однако, сладость оладушек из горького слизины – это ну никак не укладывалось у него в голове. Паренёк мягко улыбнулся своим мыслям и продолжил сбор даров горы. В двух шагах, в осыпях уже проклюнулась и успела округлиться, привлекая взгляд налитыми тугими лепестками, схожая с воткнутыми в землю бутонами георгинов, только вот несвойственного им светло-зелёного цвета, заячья капуста, тоже ребячий деликатес, с водянисто-кисловатым вкусом.

Возвращался домой Егорка с полными карманами дикой зелени, и бережно неся в руках букет лазоревых кандыков. Байкал, высунув влажный алый язык, бежал сбоку. Брат пса на поводок не было нужды: лайки такие удивительно незлобивые собаки, что в некоторых обстоятельствах об их мягкую шерсть хоть ноги вытирай, однако же и при этом не вздумай как-то не так задеть или причинить им боль – хватка у лаек мёртвая. То ли от ходьбы, то ли от солнечного апрельского дня, но настроение у Егорки было отменное. Тропинка весело петляла по склону, пока неожиданно не обрывалась перед самым подножием: там в своё время брали щебень, и теперь надо было быть предельно внимательным, чтобы по кромке уступа спуститься вниз и не сорваться. Но Егорка знал здесь каждый камешек и выступ – на эту гору он с друзьями лазал еще карапузом. Пройдя опасный участок, Егор остановился, на минутку задумался, подзвав Байкала, потрепал пса по загривку и, подражая взрослым, сказал:

– Ну что, брат Байкал, по краю мы с тобой ходить умеем, теперь сбежим вниз к депо, а там широкая дорога. Главное, друг ты мой лучший, скоро лето! И, знаешь, сколько впереди нас ждёт хорошего да интересного!

Байкал в ответ вильнул хвостом, поднял свою продолговатую морду, внимательно всмотрелся в хозяина, и в умных глазах мохнатого друга Егорка прочитал не только преданность и любовь, но и понимание всего того, что только что было им сказано.

На земле ликовала весна 1963 года.

г. Риддер

